

Анатолий Можаровский

Цепь

Київ
«Неопалима купина»
2014

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

М75

Можаровский А.И.

М75 Цепь. *Поэзии*. — К.: «Неопалима купина», 2014. — 368 с.
ISBN 978-966-2002-11-9

Поэзия Анатолия Можаровского — выход из времени в вечность, в новое измерение бытия, где главное не грубое и ложное восприятие материального мира, а то, что творится у нас в душе.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михайло МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михайла МАЛЮКА

ISBN 978-966-2002-11-9

© Можаровский А.И., 2014.
© Малюк М.М. предисловие, 2014.
© Урбанская С.Г.,
художественное оформление, 2014.
© Видавництво «Неопалима купина»,
2014.

ПОРВАТЬ ЦЕПЬ ПОСТСОВЕТЧИНЫ

*О будущем не говорят, будущее делают.
Будущее — это тщательно обезвреженное
настоящее.*

*«Хромая судьба».
А. и Б. Стругацкие*

Поток современной жизни проносится мимо, мы не успеваем за ним, мы — жертва этого темпа, движение тащит нас за собой. Мы не успеваем включиться, понять, разобраться, вмешаться, освоить и оценить события, мы едва успеваем запечатлеть сиюминутные впечатления, надобности, заботы, тревоги, страхи, которые тут же стираются новыми. Их мы не усваиваем, не храним, не накапливаем впечатления, не получаем опыта, не можем ими владеть, а лишь отражаем их смену как туманное зеркало. Отсюда — тоскливое чувство потери, невозвратимости мгновения, хаотическая разорванность жизни, в которой утрачена связь: прошедшее — настоящее — будущее...

Это смятение, эти тревоги очень точно и тонко улавливает и трансформирует в яркие поэтические образы Анатолий Мокшанов. Его поэзия — выход из времени в вечность, в новое измерение бытия, где главное не грубое и ложное восприятие материального мира, а то что творится у нас в душе. Как поэт и мыслитель, сформировавшийся на философии христианства, Анатолий Мокшанов видит трагедию современного человека в его сознательном служении дьяволам алчности и накопительства. Сделка с дьяволом в современном мире — повсеместна. Трудно найти человека, который был бы вне этой сделки. Бес попутал и опутал всех. Выстроена система, в которой невозможно шаг ступить не согрешив: вокруг идёт вибрация греха, и

каждый член общества, не желающий выпасть из человеческой связи, вынужден быть вместе с другими, охваченными вибрацией греха, и, естественно, совершает грех. Но одно дело — совершать грех, а другое дело — подводить под него идейные основания, то есть продукт недостойного мышления. А что значит — достойно мыслить? Не порождать в своих мыслях самоутешительных ложных состояний. В мировом философском опыте это символически обозначено как сделка с дьяволом. Подведение идеи под грех и есть продажа души дьяволу.

Постсоветское пространство, возникшее на территориях распавшегося СССР, заковано в цепи греха. Это, можно сказать, наиболее крупная и удачная за всю историю сделка дьявола с человечеством. Даже ужасающие преступления коммунизма — результаты предыдущей сделки — меркнут в сравнении с ужасами нынешней греховной жизни, которые прикрываются и оправдываются новыми идеями: либерализма, свободного рынка, общества потребления и т.д. Грех вновь совершается, и мало того, что под него подводятся идейные основания, из опыта греха ничего нельзя извлечь, ничему нельзя научиться, и следовательно, в будущем все это снова будет повторяться.

Поэт Анатолий Можаровский ищет этическую ответственность каждого человека за **другого**, ответственность за **каждое** унижение и оскорбление в мире. Его этика — это свобода, самоиспытание, индивидуальный путь, постоянное сомнение в правильности выбора, искренняя вера и непрекращающийся поиск Бога, понимание внутренней порочности, собственной греховности. Его поэзия предельно откровенна, искренна как исповедь кающегося человека. Иногда это шокирует, вызывает внутренний протест читателя, который ожидает от поэзии лёгкости, отдохновения, словесной игры. Поэзия Анатолия Можаровского требует соавторства вдумчивого читателя,

чтобы быть понятой — это доведённая почти до совершенства метафора современной жизни **как усилия во времени** со всеми, казалось бы, несущественными деталями, как, например, одинокий ворон в снежном вихре или туман над домом его детства, ибо для художника они равно достойная возможность проявить точность, благодаря которой эти детали обретаю́т силу художественного образа, обретаю́т вечность. Вообще для поэзии Анатолия Мажаровского характерна точная привязка к событиям, месту и времени, она сродни скрупулёзным дневниковым записям, в которых много личного. Авторское “я” как автономная, самостоятельная инстанция со своим видением мира максимально свободно от любого зашоривания, самоидеализации и позволяет художнику сознавать и признавать бесконечную сложность путей человеческого духа. “Искусство живо лишь до той поры, — писал в своё время Эзра Паунд, — покуда занято истолкованием реальности, то есть, покуда оно выражает что-то, задевшее художника намного сильнее и глубже, чем его аудиторию. Он подобен зрячему среди слепцов, которые готовы внимать ему лишь до тех пор, пока его слова подтверждаются его чувствами или кажутся им истиной. Если же он отвергает высокую честь быть истолкователем, если он говорит только ради того, чтобы наслаждаться звуками собственного голоса, аудитория какое-то время будет вслушиваться в эту невнятицу, в шелестение разукрашенных слов, но весьма скоро поднимется ропот, легкое брожение в рядах присутствующих — и вот перед нами столь знакомое положение вещей, предосудительнейший разрыв между искусством и жизнью.” Анатолий Мажаровский обладает особой восприимчивостью к социальным и политическим процессам в современной Украине и на постсоветском пространстве, и, собственно, в мире. Говоря о них, он проявляет интеллектуальную тонкость и прони-

цательность, делает то, что приносит пользу, высказывает то, что требует мужества, видит то, что прекрасно. Этим он и интересен как поэт.

Удивительно, но многие нынешние события Анатолий Можаровский предвидел.

Задолго до революции Достоинства, в которую перефос Евромайдан, он писал о назревающем в народе взрыве, провоцируемом тифанией зажравшейся власти, писал о необходимости менять систему управления государством и о люстрации чиновничьей рати, доставалось от него и оппозиционным лидерам, и продажным судьям, и бандитам-ментам. Его диагнозы болезней современного украинского общества всегда точны, он не говорит обиняками, не старается приукрашивать правду. Порой его стихи напоминают страстные речи библейских пророков, которые зывали к народам потерявшим страх Божий и погрязшим во грехах.

Когда-то Марсель Пруст высказал мысль, что наше прошлое отбрасывает от себя тень, которую мы называем будущим. Еще раньше Марат, один из руководителей французской революции 1789 года, заявлял: “Революции наполовину не бывает: она либо охватывает и меняет сразу все сферы, либо срывается. Все революции, память о которых хранит история, а также попытки революций в наше время потерпели крах потому, что революционеры лишь вписывали старые традиции в новые законы и во главе новой власти ставили старых руководителей”.

Мы построили своё государство в тени прошлого — бывшего СССР, отдав власть компартийным номенклатуристам, не запретив преступную компартию, а они, почувствовав безнаказанность, быстренько сбились в стаю с отъявленными преступниками и принялись откровенно грабить народ, одурманивая его идейками о независимости и свободном рынке. Новая сделка с дьяволом успешно заработала.

В новой книге Анатолий Можаровский в очередной раз пытается открыть нам глаза на правду, призывает окончательно порвать цепи постсоветчины, которыми мы намертво прикованы к прошлому, и наконец-то построить будущее, которое не станет копией прошлого.

Михайло Малюк

Мне цепь порвать свою
придётся самому.
Я грызть её буду,
и Луну
видеть в полноте красы.
Я цепь сгрызу,
потом ошейник весь,
и затопчу даже тот
след, где бегал на цепи
как пёс.
Но пёс хорош,
он по призванию пёс,
а я лишь раб
дешевый и лакей,
я раб хозяина,
который
полон глупости
затей.
Реформы и эксперименты
по изгнанию вшей
из родины, где
звон цепей.
И бегают по кругу
холуи,
а цепь ржавеет,
трётся.
Оборви, уйди,
но раб кричит хозяину:
— Разрыв!
И цепь клепают молотком,
и мир
в душе раба.
А что ещё?
Была бы цепь цела.
Хозяин-барин,
но не господин:

не вышел внешностью
не только он один...
Они все на одно лицо...
С холопов, холуёв.
А кто ещё мог стать
хозяином вообще?
Когда загрызть нужно
было столько тел
и головы глотать
как антиген, чтобы
расчистить на стране
землю
под дом-дворец
и соловью
вогнуть картечь,
чтоб не сюсюкал ночью.
Обнаглел!
Мы слушаем дворцовую
дворню-попсу.
Она поёт нам —
куда там соловью!
И цепи с золота у них,
во всех, кто близок
стал к хозяину...
Утех,
утех, и в этом весь успех...
Жизнь для утех,
жизнь как успех!
А я грызу стальную цепь,
ломая зубы,
дёсна в кровь,
и ухожу через забор
до неба, километром вверх.
Вот это есть успех!
Такой забор...
Но я успел.
Ошейник съел...
Хозяин недосчитается раба.

Сорвётся криком
и корм урежет для других.
Но я пример дал.
И показал, что жизнь
другая наяву.
И я свободен вновь бегу
через стены бесконечных
нам преград.
Заборы, замки,
провода колючие,
наряд
и автоматы-самострелы в ряд...
А я бегу.
Где-то же есть
конец всему...

15.01.2014

Миру — мир!
Старый лозунг.
Диво див
с днём тем прошлым,
что тогда
и сегодня, как всегда.
Воют мины,
рвут снаряды
и ракеты рады-рады
из хранилищ — и армадой
по городам,
а там — пожаром, взрывом
и технологическим прорывом:
кнопка, спутник
и трупик
детский,
трупы женщин и детей,
стариков и молодых.
Трупы, кровь
и крик живых,
и раненных стон и крик.
Таков вот мир.
Это внешне
в теле-,
в прессе.
И привык мир
к войнам.
Здесь они идут всегда,
и планета Земля
принимает кровь
веками,
тысячелетиями.
И днями редкими —
вдруг — тихо.

Но мир стреляет лихо
в городах и селах,
режет ножами,
топит,
насилует детей.
А женщин?
Уже не удивляет.
Мир травит ядом,
бьёт машинами
и убегает...
“Миру — мир!” писали люди,
и верили, что чудо
вдруг свершится
рано утром.
Неуютно в мире этом,
даже если войны эхом
мимо дома
и страны.
Ложи,
лажи,
партштаны для диктатора
с карманом,
где сидят черти с базаром
о конкретном, пацаньячем.
Секты,
общества,
структуры
“сильных” мира,
что все в страхе
при охране
и при вяке, что за них
пресс-секретарь
секретует,
а там дыр,
в тех структурах,
а с них — запах
трупов,

курвов
и деньжищ в крови
столетий.
Миром правит
страх от этих...
Кто они?
Кардиналы серые.
Их отобрали с ада.
Лично
сам антихрист
близко-близко
осмотрел и клеймовал.
Они все в клятвах,
и забрал
их антихрист в своё лежво.
Он их кормит.
И прилежно обласкал
и облюбил,
а они изо всех сил
служат,
и растут ряды
антимира
их среды,
где питательны плоды
флоры бак и вирус гад
по миру оружием,
и так.
Гробы,
гробы
и ямы.
Население с боями
кучей болей от зараз
прорывается опять
сквозь житуху, житие...
Горе, беды
и всего столько льётся
грязью в мир...
Миру-мир!

То сказка лишь,
а так — война и насилие,
свобода с кляпом в рот
и тряпкой в ухо...
То закон о говорить,
то закон о пить,
то закон о трахобабах,
то закон о мужелаже,
то закон о химпродуктах,
то закон о прослушках,
то закон о чём писать,
то закон о чём читать,
то закон о голосовать.
Но их исполняют
только раз,
кто-то из простых
людей,
а потом как лошадей —
хомут на шею
и под уздой.
Хвост не чесан,
и не кормлен,
и не поен,
и спокоен
смерти ждёт
рысак когда-то...
Но всё же он — воин,
хоть унижен и оплёван,
и стоит пред Богом
всегда свободен...

16.01.2014

Неспокойно очень стало
сегодня в вечер
в телесериале.
Плачет мама,
плачет папа,
плачут дети, — их двенадцать,
плачут няни, — их четыре,
плачут секретарь с лакеем.
В доме стирки, глажки
горы,
но всё лежит
и льются слёзы
в домработницы ручьями,
горничная плачет в ванной,
плачет садовник
и охрана.
Плачут рабочие на поле
прямо.
Гувернантки слёзы льют.
А полисмены тут как тут.
Адвокаты, прокуроры,
их охрана и шоферы
как собаки бультерьеры
рвут друг друга
и портьеры падают
срываясь вниз,
а там срам и стыд:
с голой попой, на коленях,
повариха тётя Женья
и повар голый
как из душа
прикрывается.
И слушать
уже никто не хочет —
крик и рев,
и все смотрят
на тела от тёти Жени.

Полисмены,
папа,
шофера,
прокуроры
и садовник,
охрана
и полковник
спецслужбы
рот открыл.
Вот это шик,
вот это вид!
А тётя Женя тихо встала,
потом громко зарыдала
и из комнаты наверх,
а за нею повар...
Бег по лестнице
смотрели,
не кричали,
не ревели,
а вздыхали.
Только дети не могли
понять,
что это?..
А на поле рёв рабочих
и крыжовник
трактор сносит
вместе с коноплём и маком,
одним, как говорится, махом.
Бульдозер роет, режет, рвёт,
аж земля гудит,
и фронт работы —
ой-ёй!
А полиция, рукой, кто
в карман, а кто и в сумку —
кто головку мака,
а кто конопли хапушку.
И на видео снимают.
Папа бодро так шагает
и наручники на нём.

Папа диллер был.
Ушёл...
Так сказала мама вслед,
и с адвокатом за обед.
Подавала тётя Женья
вкусности,
а адвокат дрожал
и спорил тихо с мамой,
мол, уходит...
Навсегда...
А мама снова плакать стала,
с ней повар зарыдал,
плакали деды, бабы,
плакали все тётки, дяди,
плакали водители, охрана.
садовник плакал,
аж стонал.
А адвокат вдруг резко встал
и тётю Женю
нежно за руку взял
и повёл в своё авто...
Рыдали все...
А то, что папы нет,
забыли.
Рыдали все...
А мы телевизор отключили
и через видео
опять обрыв портьеры
прокрутили,
а потом завыли...
Из многих окон шёл
то крик,
то плач,
то вой,
а город застыл в безмолвии,
безлюдьи.
Лишь хлюпал носом постовой...

16.01.2014

Я со своими приятелями
алхимиками,
почти друзьями,
пил вчера этиловый спирт,
который они делают сами
с бэушных пластиковых бутылок,
с бэушных презервативов
и с бэушных женских прокладок.
Спирт льётся многими тоннами,
из него делают водку
и продают по Руси
и рядом с её кордонами
для умерщвления части народов —
тайный заговор орденов
лож.

Алхимики мудрые,
но подневольные.
Их подписали на ножи
огромные
нынешние мироправы.
Сократить население
необходимость их правды.
Спирт вроде бы и ничего.
Я выпил рюмок пять —
и ого!

Мне сказали, что это
действие от бэушных
секспредметов,
потому, что чистый пластик
бутылок.

Выпил и заворачивай
себя сам сразу же в газету.
А так алхимики делают
всё, чтобы спасти
хоть что-то...

Кого-нибудь, что-нибудь...
Выпил и забудь.

Не пей ты, русский,
сукин сын,
не пей ты, русская бабца!
Но вширь и вдаль
текут ручьи
заводов с паленным...
Учти ты, люд,
что так нельзя.
Тебя повалят на дрова
водярой грязной.
Ать и два!
Идут “быки”,
и в них штыки
против своих людей.
А ты, там далеко,
из орденов когда-то тайных,
ныне вновь поднявший
копыта и хвост
на наш народ.
А твой народ тебя
приветствует,
урод.
И машет лапой,
спрятав хвост,
на демонстрациях
в улёт
за короля
и за тот флот,
что опиум возил
в Киёт
и пал из поднебесья
в болота с жабами,
чтоб вместе
потом восстать
и с королём
пойти на бой,
и мировой

достигнуть с миром
лишь трубой
из крематория...
Покой планете
только снится.
Планы, амбиции
и лица, лица, лица.
Все больше на фотографиях
могил,
а остальных так мало...
Сил у них ещё чуток
осталось,
но мир нам изменить —
не малость.
И милосердия не ждать,
и жалость только
с недополученных баблов,
потерянных в спешке
отравления оболваненных
голов.
А мир тупеет
по часам,
которые уже стоят,
и лишь то тут, то там
их звон
передан колоколам...
А нам вливают спирт
в цистерну.
Амбал грузит наркотик
в фуру.
Верно. Не ошибись...
Амбал растит еду —
от алхимиков удобрения
миру на беду.
Амбал одежду грузит
с ядом.

Амбал игрушки детские
с отравой...
Амбал грузит гробы пустые...
Его хозяин
на островах кайфует.
Амбал.
Амбал.
Амбал.
Бандиты служат
верой без бравады
своим хозяевам,
что миром правят...
А дети в школе учатся читать,
а дети в школе учатся писать,
а дети в школе учатся считать...
А смысл есть в этом?
Чтобы по кругу всё
опять?...

17.01.2014

Кит играет в воде.
Ныряет глубоко,
всплывает вдруг
и долго на волне...
И снова вглубь пучины.
А рядом спины
других китов подплывших
и закруживших
в водоворот волну...
А небо чистое.
В далёкой синеве
лишь кучками
остатки белых облаков.
Ничто не провещало
ничего.
И вдруг киты как
лодки набирают скорость
и с волною — в берег.
Гул воды,
удары тел
и тревожный китов напев.
Их семь.
Живых огромных тел.
Как им помочь
и сбросить в воду?
Мы толкали как могли,
но понемногу
усталость одолела нас...
А кит смотрел.
Из грустных глаз
стекали слёзы
иль воды остатки...
Кожа животных
сохла на глазах,
а солнце поднималось выше.

Хотя бы дождь,
а, может, лучше ливень.
Ничто беды не предвещало.
А киты на берег пали
немым укором миру...
Предупреждением всем нам.
Жить по-другому,
и чужую жизнь не тырить...
Не сливать её по дури
в дурь,
и жить, и жить
как нас учил Господь.
Киты уже два дня
как умерли.
Укор...
Немой укор...
И скоро лишь скелеты
на берегу.
Зимние шторма
всё смоят
и уйдут
их кости
в океана пасть.
Пали киты
не первый раз.
А мы глаза закрыли,
закрыли душу, сердце,
и мир нам даже
нравится сейчас...
Особенно доступностью
всех благ.
Можно торговать.
Можно часть себя,
то есть органы, продать.
А если видом хороша,
хорош,

так собою можно
торговать,
жить хорошо
и много спать...
А киты продолжают
умирать.
Учёные пытаются тайну
их самоубийств
за деньги грязные
всё дальше изучать...
Немой укор...
Предупреждение...
Для нас спасения?..
И крик мне вновь:
— Да ты достал уже!

17.01.2014

Наша лодка
сделала крен с разворотом,
обдав гарью мазута
окраины Евросоюза,
и пробил колокол.
— Всех свистать наверх! —
орал старпом.
А верх был
давно занят.
Грех есть грех.
Мы, сырые, в трюмах
без иллюминаторов, —
новый закон
запретил их,
и их под металлические
листы попрятали.
И лодка быстро
легла в воды
российские...
Носом в Сочи,
а кормою в Финский залив,
закрыв днищем Москву
и часть городов...
Звонили церкви,
звонили телефоны,
мчались МЧЭэСы,
тянули понтоны.
Где это видано —
такой маленькой
страной так накрыть
большую!
Ещё и деньги горой
в Москве таскали влихую.
Девушки московские
конфеты, бараночки
на лодку таскали.
Глядь!

Уже и свадьбы заиграли.
А в Евросоюзе
от чада мазута всем выдали
маски.
Маски — чудо.
Дым коромыслом,
и не понять, когда
будет чисто.
И откуда этот чад?
А в Сочи штормило
и валами нос заливало,
и некоторых наверху
топило.
Их спасали.
Уходили в Сочи силы...
В Финском заливе
было лучше.
Северный ветер
остужал горячие головы.
Петербург держался
строго и достойно,
но мэрию заняли,
говорят, она должна
принадлежать народу...
Памятник Ленину
украшили вышиванкой,
и рушник под ноги,
а на нём — яйца...
Вова ПутинЪ звонил мне
и ругался:
— Что ты сделал? —
и от страха заикался.
— Это не я, Вова,
это ты хотел!..
Здорово!

Наша лодка
расположилась
на многие годы —
не разобрать и не сдвинуть.
Столько народу,
да ещё нет канализации...
Вот это воссоединились!
А Евросоюз в масках,
от чада в прострации,
и только степи —
голые-голые, —
остались в стране,
и пни от деревьев,
которые спилили,
когда лодку делали...

17.01.2014

Первый Рим —
священный, сильный.
Империя
и императоры —
умны, красивы.
Их власть —
тяжёлым бременем —
хранить границы
и быть верным
Христу...
Писали книги
и вели войну,
не раз и не одну,
за империю.
Страну любили
и хранили,
и Бог был первым...
Повалили.
Повалилась.
Пала.
Разрушилась.
С болью.
Стонала
Империя Священная.
Лишь память истории
погнала мир
в закоулки тёмных,
мрачных,
веков
далёких,
неудачных,
на костях
сгинувших
аристократов
духа.

Потом чернуха,
чернота
и духа пустота...
Второй был Рим,
но тоже пал.
Войны сломали.
Потерял он лучших,
и попал во мрак
насилия
войска врага
изощрённого в веках —
не брезговал ничем
тот лютый враг...
Антихрист хвост
лишь показал.
Но как сплотились
в ложи
с кожи
людей по миру прохожих,
укоротив их век,
и, может, укоротив
и твой,
и тех,
кто вышел только
в путь.
И бой!
И бой,
и не сомкнуть глаза
духовникам,
и пусть
познает враг
наш дух.
Он Богом дан
не вдруг,
а за тяжёлый труд
тебе во благо,

несчастный люд
и обездоленный...
И пуст твой дом,
и смех лишь
гомерический по нём
ночами тёмными
веков
последних.
Эпоха — трус,
и страх эпохи
потерять деньгу и ложи
в лаже грязи.
Других миров
другие князи
и князьва
как та чума,
как та беда
и постоянная война
миров
и духов
за души
падшие в задухе
мира от разрухи
и непрухи
многих
в скуке.
Суки, суки, суки!
И третий Рим
взойдёт опять
Империей Священной.
Гад уйдёт от страха
в лужи,
и будет Рим
стоять снаружи
земного шара,
и внутри
его бойцов
и их души,

и духом с Богом
навсегда.
Ведь Третий Рим
не вымысел,
это империя
от Бога Сына,
Бога Духа
и Отца.

17.01.2014

Аквариумы
маленькие,
средние,
большие.
В них подводные ландшафты,
рифы,
растения экзотики
и рыбы со всего
мира.
Рыбы чаще умирают
чем размножаются.
Специалист из фирмы
чистит стёкла,
чистит ландшафт,
меняет воду,
включает свет и компрессор,
кормит рыб.
За ваши деньги —
любые капризы.
Неимущие ухаживают
за аквариумами сами.
Наблюдение за рыбами
успокаивает
и умиротворяет.
Коньяк и сигара,
расслабон и шмара,
рыбы плавают и умирают
в неволе
между стёклами
от стенки к стенке,
от пола вверх,
глоток воздуха
и вниз.
А если сделать
смотровые окна на тюрьмах,

а на зонах установить
вышки с хорошей
оптической аппаратурой
и за деньги
туристов пускать
смотреть
на зеков и охрану,
можно и бюджет страны
наполнять.
Аквариум...
Рыбы в неволе...
Дырка в туалете...
Можно за плату
смотрящего
и доплату посещающего
или посещающей...
Аквариум...
Лишь стекло,
часто современное
и высокотехнологичное.
Расслабление смотрящих
за рыбами
условное
и специфическое.
Тюрьма.
Зона.
Туалет.
Бордель.
Сосед к соседу —
в ванную,
в спальню.
Сцена.
Подium.
Вышка...
Можно карточкой,
лучше — наличку!

17.01.2014

Ножи, как бытовые
предметы.
Нож для чистки овощей,
нож для нарезки хлеба,
нож для нарезки мяса,
нож для разделки рыбы.
Ножи стальные,
дешёвые и дорогие,
элитные и простые...
Ножи боевые.
Охотник добывает оленя
ударом ножа в шею.
Сафари для министра
и народного депутата.
Пять убийств одним махом...
Штык-нож на автомате
или карабине.
Удар — и труп.
Чего глаза открыли?
Все разбежались
и растворились.
Скальпель в руках
главного врача
во время пьянки —
он нарезает закуску
и взрывается,
и режет живот
друга застолья.
Кровь хлещет в кабинете
главного врача.
Но рядом отделение хирургии.
Хороший был вечер
для всех,
выпили и закусили.
Живот хирурги зашили...

Ножи бандитские,
ручной работы,
режут людей
без квоты.
Закон не запрещает,
а лишь фиксирует,
в зону попадает кто-то...
Но не все.
Суд нивелирует.
Страны разные.
Мир большой.
Ножи гуляют
в телах...
А что?
Борьба за свободу,
борьба за воду,
борьба за водку,
борьба, опять же,
за те же деньги.
Самооборона
иногда допускается —
ножом жену
в живот
и разделать на части.
Не всегда маньяк и
чудовище.
Иногда — “элитняк”
и тот ещё...
Нож.
Ножи.
Быт и оружие.
Война, и война
не на выживание,
а как признак
слабоумия.

Мир дебилирует,
а ножи совершенствуются
и режут люд,
как с цепи сорвавшиеся,
без страха ответственности.
То выкручиваются,
то откупаются.
“Заточка” и ночка
с Луной или без...
Но кровь ручейком,
после — приговора
смотрящего аки бес...

17.01.2014

Президенты,
премьеры,
министры,
депутаты парламентов,
губернаторы.
Как часто вы занимаете
чужие места!
Атеисты
со свечою в руках —
Библию,
молитвенник —
подальше в шкаф,
и только на видных местах
поклоняясь,
шепча губами,
крестясь.
А народ вам верит
опять
и продолжает даже любить.
Безусловно, не все так.
Есть лидеры
с честью,
моралью.
Их немало
по миру —
забрало открытое
на турнире,
нет пистолета в мундире,
нет ковра,
нет портьеры,
нет скрытой комнаты.
— Да вы очумели!
мне орут прямо в глаза.
— Это редкость!
А так — ерунда...
Мир эволюционирует,
но не революционирует.

Он в домах застывших зверств,
он язычен,
и не пример.
Кто пример?
— Я!
— Я!
Кричат Европа и США.
А из Великой Британии
тишина.
Или не слышали,
или знают свои дела...
Дела.
Дело.
Смело.
Умело.
Для себя и своей семьи,
для клана
и для войны.
Тюрьмы и гробы.
Власти верховные
часто не мы,
а тех, кого навязали
с толпы.
— Дурак ты!
Толпа тоже дура.
Всё совсем по-другому.
Да, подруга?
— Да! — сказала
девушка
по вызову.
Она столько знает.
Она столько видела.
Завтра я иду с нею
под забор...
Королевского дворца.

Там у неё свой двор
маленького дворца —
она королева в нём...
Хоть и проститутка,
но честная до конца...
А я долбаюсь в поисках
правды
среди сухих деревьев
в пустыне,
где одна пустота...

17.01.2014

Россия.

Петербург.

Эрмитаж.

Рембрандт.

Даная.

И я стою у картины,
а сердце моё замирает,
кровь бьётся в висках,
пытаясь прорваться наружу,
дыхание неконтролируемое,
и ноги мои
как столбы чугунные...

Даная...

Будет ли у меня такая?

Или будет другая?

И только на Финском заливе
к вечеру я остываю.

И крик,

радости крик,

чаек и случайных прохожих
пугает.

Жизнь продолжалась,
летела, скользила, бежала.

И вдруг я увидел её,

это была она...

Не другая...

Любовь, перешедшая в свадьбу
совсем незаметно,

а потом дети любви...

Дети.

А с виду нормальный мужчина
облил кислотой полотно,

и грустила

Даная

почти умирая...

Дом легче поджечь
чем построить.
Лучше сделать аборт,
чем родить и взрастить
своё семья.
Легче ракетами и снарядами
поле пахать,
чем плугами.
Легче воровать урожай,
чем сеять, лелеять, растить.
Лучше...
Горела потом Россия.
Взрывался Кавказ, Москва
и так далее.
Гибли тысячи юных солдат
и простых людей
за мечты и желание
править и жить за счет
другого.
Уроды, отроды, отходы,
отбросы, днище от ада.
Фабрика ада работает
на Земле
езде, где надо и не надо,
и мы топчемся у её проходной,
желая быстрее попасть
на работу,
и очереди без конца
ныряют туда беззаботно.
Что гонит людву на
адские цели, уделы?
Но они идут
и часто их лица
вроде нормальные...

Вроде
мы все
идём к правильно выбранной
цели,
но руки требуют
оружия хорошего, много,
и чтобы пули
валили нам неудобных
и лихо свистели...
На самом деле...

18.01.2014

Люстра упала
на ползала.
Хрусталём и бронзой
пропахала,
как взорвала —
вещей много пострадало.
Стол президиума — в доски,
кресла с ним,
сломав все ножки
и сложив спинки
по полу,
так и лежали
с рваной кожей
дорогих сортов
когда-то.
Пали кресла в зале.
Триста штук
их поломало.
Хрусталь кожу срезал,
ранил.
Бронза дерево побила,
кресла обломались
дивно
в три секунды лишь всего.
Удар, пыль
и ничего не видно в зале,
где собирались мироправы.
За полчаса
та люстра пала.
Может её пилили,
оборвали?
Может крюки проржавели,
или стали дали мало,
не легировали
стали?
Кто здесь скажет и когда?

Пюпитры
и планшеты, что в ад вели,
пошли в дрова.
Ковры попортились изрядно.
Столики, что
по залу
и канделябры на камине —
в металлолом
все превратились.
Лишь часы стоять остались
и отбивают, что
осталось,
я имею в виду время,
тем, кто жить будет
и нервно
дёргаться,
смотреть наверх,
смотреть направо
и налево,
смотреть на пол.
Вот так холера!
Одна лишь люстра,
а таких сильных
одолела...

19.01.2014

Майдан — антимайдан.
Автомайдан — антиавтомайдан.
Партійний з'їзд — антипартійний з'їзд.
Президент — антипрезидент.
Прем'єр — антипрем'єр.
Міністр — антиміністр.
Суддя — антисуддя.
Прокурор — антипрокурор.
Міліціонер — антиміліціонер.
Генерал — антигенерал.
Сержант — антисержант.
Офіцер — антиофіцер.
Вчитель — антивчитель.
Весілля — антивесілля.
Похорон — антипохорон.
Секс — антисекс.
Оргазм — антиоргазм.
Допінг — антидопінг.
Сало — антисало.
Горілка — антигорілка.
Життя — антижиття.
Закон — антизакон.
Суд — антисуд.
Тюрма — антитюрма.
Камера — антикамера.
Парламент — антипарламент.
Депутат — антидепутат.
Народний — антинародний.
Пам'ятник — антипам'ятник.
Шолом — антишолом; це — кастрюля
сковорода,
баняк,
відро,
банка,
миска,
млинець,
перука.

Руки — антируки.

Зброя — антизброя; це — сокира,
вила,
палиця,
камінь,
цегла,
мотузка
на дереві,
мотузка
на стовпі,
арматура,
труба металева.

Революція — антиреволюція:

розмови
про революцію,
розмови
про владу,
розмови
про тини,
розмови
про тереми,
розмови
про гроші...

Приїхали туди, звідки

і почали —

знову гроші...

Було б добре, щоб багато...

19.01.2014

Дикі свині
ліс порили.
Дикі свині
на полях хліб поїли.
Дикі свині
нір нарили в Межинір'ї.
Під гранчак
та оселець,
огірок солоний,
перець,
із рушниці
гарячий свинець
свиням в фило.
Ті, що ще живі zostались
бігли так, що ноги
ламали
по Межинір'ю.
Ох, кабани!
І говорить генерал:
— Молодцы, друзя!
Попал, вижу я,
в круг хороший.
Не жалейте вы патроны!
Смерть свиням трусливым!
— Есть, товариш генерал!
Зробим все,
як ви сказав!
— Я с тобой свиней не пас,
и не товарищ я тебе,
а старшой,
научу вас здесь служить!
— Вибачте, пане генерале,
звиняйте...
Я в собесі списки взяв,
і партійців всіх
підняв,

*що ще сили в них
як у вепрів,
і пенсія по тисяч
н'ятдесят чи сто
на кожен ніс,
ну, значить, рило...*

— Что ж ты раньше-то
молчал?!

Их в первые ряды
я бы погнал!

Они хоть и с маразмом —
видел? Рот откроет,
ждёт будто-то бы повидла, —
но ещё при силах
точно.

Бугаи!

А деньги срочно
отобрать у них
в общак!

Это ж что же,
и это как?!

Мы миллиарды — брешы
кроем, —

а те козлы

баб в постелях роют?!

Всех мне список
счас подать!

— *Єсть, пане єнерал!*

*Чічас уже в собесі
пишуть їх фамільно,
і в адміністрації
квитанції берем на все,
що вони паразитували, —
тхху! — приватизували.*

— Ох и речь твоя

в костях,

может, язык кривой,

иль как?

Гутаперчишь много, брат!
Ты стреляй!
Уже вон враг!
*І дуплетом врізав
прямо.
А там — корова
діда із сусіднього села.
Корова і не мукнула,
упала.
Дідок ціпком махав:
— Куди ж ти б'єш?!
Та ще й не з нашої
якоїсь зброї,
та й люди ви,
я бачу, тут чужі...
Свині ви!
А ці, що лежать тут неживі —
не свині.
Це ж вироби
із пластику китайські.
Я ж ними
зłodіїв лякаю,
щоб корови не украли!
Ти ба!
Та ти ще й генерал!*

19.01.2014

Война.
Ментовские автобусы.
Вонючий дым
машин горящих,
как факел
ночной восставшей
крещенской Олимпиады.
Разрыв гранат,
и газы, газы.
Падают окровавленные
восставшие.
— Ты гад! — кричит
мальчишка на мента,
и тащат его,
пленного...
Война!
В толпу людей летит
граната,
её хватает юноша,
чтобы отбросить
как когда-то
его деды на войне.
Но поздно.
Взрыв в руке.
Оторванная кисть.
Всю жизнь теперь
он инвалид.
Герой.
Не спрятался не за тобой,
не за мной
в теплой квартире
у телевизора.

В сортире заначка —
водки полбутылки —
и кайф...
Машет руками
и ногами,
комментируя страшилки
о подкреплении, что “Беркут”
ждёт.
О, тип ты, алкофронт
дешёвый твой.
Война
и зарево горящих
вновь машин,
лишь палки деревянные,
камни да петарды —
вот и весь оружейный пыл...
Стенка на стенку —
когда-то так деревни
шли,
теперь идут миры
сознаний разных.
Посмотри —
тебе свобода
или тюрьма?
Лучше смерть.
Отвага
в день Богоявления
пришла.
Война.
И водомёты на морозе
льют воду на людей.
— Крещение! — кричит
народ.
Здесь не толпа уже,
а фронт.

И факелы пылающих
машин,
и газом травит “Беркут”
и стреляет.
Война.
Миры сошлись.
И победят лишь духосилы
в крещенский пламенный
мороз.
И воду льёт огромный
водомёт
за деньги куплен тех людей,
чьи дети вышли
здесь вперёд.
На фронт.
Война.
У телевизоров лежит
людва
и ставки делает
как и всегда:
— Вот посмотри, ментовская
взяла...
— А вот теперь восставшие
пошли вперёд...
И веселее жить
так обывателю.
По телевизору,
прямо на диван,
без гари, газа, без пожара,
гранат и пуль,
с гормонодрожанием,
кином идёт
война...

20.01.2014

Независимость стране
Бог подарил
как роз букет.
Но не сумели
ею воспользоваться...
— Народа нет, —
решили проходимцы,
и вырвались во власть
всевозможные “защитники”,
“партийцы”.
И пала независимость
в карманы аферистов
и на счета в Европе, США,
Востоке.
Так неблизко оказалась
к нам страна.
Власть стеною строила
заборы, терема.
Ментов брали под себя
и для себя...
Рассеянный народ
спивался,
уезжая кто куда...
— Труба! —
сказали сильные.
Не очень много их.
Но вышли в осень
помаранчевую.
Сладко дышали
воздухом свободы,
и Бог был милостивым
к людям,
чтобы ещё раз наградить —
Он снова
к листьям золотым
просто подарил свободу.

И люди приняли её
как данность,
поносились с ней немного
и остались
в своей повечной суетне
и безразличии к стране.
Реакция пришла с востока
и очень быстро
закружило зло здесь...
А люд пропуганный
вновь в бутылку
и в секс,
кто еще может...
Вроде бы жизнь.
Вот так, как вроде...
Но рос уже тот воин
из молодых,
и порвать решил опять
он пута,
но вмешались
с Запада, Востока,
вмешались все, кто мог,
чтобы помочь, как вроде,
успокоить.
Мирным всё путём...
И всё путём!
Но Бог уже не даст
свободу в третий раз
подарком
лишь бы кому.
Он знает, что прогуляем
снова и пропьём,
поэтому и трудно будет
оторвать враньё и зло
от правды,
и жертвы в память
нам войдут,
и танки, и БТРы,
и гранаты.

Войною будут вырывать
солдаты
то, что отцы пропили,
прогуляли
с безразличием когда-то.
И вышли порослью
героев молодых.
Герои!
И стали фронтом
по стране.
До боли
болят мне раны их и горе
матери, которая
отправила на войну
дитя-героя,
и стою пред ними,
ещё живыми,
на коленях
и преклоняю голову
к ногам их —
пусть души их сбережёт
Господь
и Дух силы своей навеет...

20.01.2014

Я долго думал
как мне быть,
как дальше жить?
Я столько написал за
эти годы...
Писал я о страданиях народа,
писал о власти всей
за двадцать три года —
как много гадов среди них!
Попса, которая элита,
и элита —
бандиты всех мастей
и воры.
Я столько исписал страниц,
но горе
у народа
становилось ещё огромным
боле...
А я писал, надеялся, мечтал.
Я так хотел помочь,
и правду вытащить здесь
на помост,
и зло стереть в дороги пыль,
и люд изменить,
его духовный пыл...
Госпидары страны
меня имели,
имеется в виду,
и не читали мои книги.
Почиталки и читалки
я не проводил на встречах.
Я трудился.
А тут: январь, день шестнадцатый,
закон.
А в нём таким как я —
тюрьма!

В машину ломовую
попали поэты, писатели
и журналисты,
и весь народ, за который
я боролся
аки мог...
Перед господами
оправдываться не буду,
я не виноват —
меня так воспитали родители,
я воин, офицер,
не позволяет честь
спасти себя.
Стреляй, подонок, первым
ты в меня!
Стреляй, и не жалей огня!
Стреляйте президент,
министр и депутат —
регионал и коммунист!
Нахал ментяра, бей
в упор!
Стреляй спецназ,
коль хватит сил!
Патрон
уже готов,
я знаю.
Стреляйте все —
воры, бандиты!
Знамя в моих руках —
совесть,
сила духа!
А под ногами грязь —
это вы
и ваш паршивый страх.
Пли!
Чего стоишь, сержант?
Я — украинец.
И ты тоже, но ты — гад.

А был мне брат...
Давай, стреляй
в брата, брат!
Хоть и бывший...
Но время повернётся
вспять,
и вас потом будут
стрелять...
От черта власть.
Когда уйдёт
к нему опять?!
Никто не знает...
А, сержант?
Что ты, сука, дрожишь
как лист?
В руках же автомат!
И высочайший есть приказ —
стрелять всех нас...

21.01.2014

Сегодня настроение
не лучшее.
На улицах людей воруют —
активистов революции
и просто прохожих.
Страна на дыбе,
и слезть с неё
уже такой как была
нельзя.
Война.
И кровь на крови
с кровью.
Ворон сел
мне на окно,
он друг мой уже
давно,
и тоже грустный
как никогда.
— Падали, — говорит, —
нам есть на годы.
Они все уже воняют,
хоть одеты
в дорогие шмотки
и автомобили их
лучшие из Европы,
но уже они обречены —
это трупы
для страны,
а нам — падаль...
И есть её придётся
нам годами.
Может ты, поэт,
напишешь просьбу нашу:

пусть революционеры
или коммунальщики
сожгут их в крематориях
да похоронят в братмогиле
где-то в терриконе
или в Сиваша иле —
нам столько не склевать
их на столбах...
— Откуда, друг-птица,
ты знаешь,
что столько лидеров
вдруг превратятся
в падаль?
Они же сильные, крепкие...
— Да нет, поэт,
уже судьба их
предрешена —
они сами избрали
свой облом...
Я хлеб птице предложил,
но ворон отказался
и, грустный, улетел...

21.01.2014

И снова всё
как всегда.
И жизни наши
как флюгера
вращает кто-то
как всегда.
А флюгера вращает
ветер,
они свободны
все на свете,
и только ветер
с их согласия, конечно,
вращает флюгера...
А нас тянут, вращают,
крутят.
А нас гонят, прессуют,
лупят.
А нас не слушают,
не верят.
И гений наш — то наш
лишь гений.
Его признаем мы,
но ветер, простите, нет,
а тот, кто вертит
и движет нами,
не признает.
Сам он — гений,
так считает.
И все вокруг вторят ему,
и знают, что
он лишь шизофреник —
бред его по ним
и нами крутит, вертит
и гоняет.

Но окруженцы, прилипалы,
подхалимы,
им собраны,
имеют блага от него,
они купаются...
Бабло,
и всё, что от него.
А мы лишь масса,
что толпа, и нами
правит,
правит он
и вся орда.
Ха-ха!
Орда.
Да это свора
из двора,
а выйди с палкой —
и пошла
скулить
и прятаться по щелям.
И взгляд их преданный,
и мелет
что-то невпопад
язык.
Холуй и тина...
И их взгляд
не наш.
У нас он тоже
собачий,
но есть и
волки,
тигры,
барсы.
есть львы
и леопарды.
Их мало...

Но разрастутся
до Урала,
и их пример
другим, на лапах,
что ишачат
и собачат —
поразительный пример...
А гений, гений
гонит снова
на выходе одну полову,
и ветер крутит её снова
и снова ослепляет взгляд.
Не флюгера всё-таки мы,
не флюгера.
Толпа...
И гений учит нас пока,
а мы спешим
за облака.
Уходим с радостью
в миры,
где Бог.
А здесь — суды
и судьи их,
и власть их злая.
Здесь крутит гений
и рисует картинку
счастья для толпы:
дворцы, дворы, дворня
как царски псы,
и счастье их —
бабло, бабло, бабло.
А остальные —
лишь толпа,
чтоб гений вышел и
“Пока!” сказал нам всем,
пообещав не думав сам,
а по бумажке дворовых.

Таков вот мир
фарт-дворовых...
Все остальные —
только пшик...
А больно как душе
за это!
О, да!
Одна надежда —
туда, в небеса, в даль голубую,
за облака, за облака...

21.01.2014

Чёрный дым
горящих автомобильных шин
над Киевом
сквозь белый снег
ветром гонится на “Беркут”
за щитами,
где стоят совсем уроды
без мозгов,
отщепенцы
всех ментов
из роду-племени угров...
Украинцы, наши,
по бумагам,
а души в мраке
и угаром
горящих шин
питаются сейчас.
Убиты люди ими.
Как собак бродячих
отстреляли, звери.
Герои пали...
Нет!
Герои по всей стране встали!
Холодный день,
и ночь в огне,
и белый снег на их лице,
и белый снег на их спине.
Глаза закрыты.
Беда пришла в дома,
почти что в каждый дом.
Власть очертела во дворцах
и очерствел народ.
Не весь.
А только те,
чьи души были
ядом влиты.

Им продавали хлеб,
а в нём порошок,
чтоб сделать идиотами людей.
И люди ели этот хлеб,
и уменьшался мозг,
и снились сны,
где только хлев,
навоз,
и хлеб в корыто
от вельмож.
В нём психотроп.
А чем же объяснить такой
прыжок
за двадцать лет
в дебилы?
Хлоп — и есть.
Но власть грешила
меж собой,
партийцы угощались
той едой,
где тоже психотроп!
И сдвинулись мозгами
в бок,
вернее, на восток.
А там вообще прыжок
краткомерного пространства,
где миг вспыхнувшего сознания
и снова марево
без сна
и тема лишь одна —
великая страна
от океана до бугра.
Волна
депрессий
и ненависти в сердце,

а запад
поможет их лидерам
поместьем
и счётом в банке.
Хмырь!
А дыр в здоровой
с виду голове!
Новый кумир
под психотропом тоже
на волне таких же павших
ещё живыми —
в башке
лишь психотроп,
а сердце злоба-а-а-а-а
ко всем.
И лишь к их лидерам
любовь
за хле-е-е-б...
Где психотроп.
Эх ты, жлоб!
Зависимый от химии.
Всего лишь жлоб...
А революция зовёт вперёд.
Последние часы,
и гроб,
и эшафот,
и виселицы
для них, уродов.
Вот!
Исход!
Время на минуты,
чтоб упасть на колени
и покаяться.
Урод!

Убивший людей,
одумайся!
Но нет.
Они пошли по той
дороге, которую проложил
им чёрт...
И там их ждёт...
Герои здесь —
восставшие.
И год
войдёт в историю,
и чтоб все знали —
за независимость страны
пролита кровь,
и люди поднялись
из черни вновь...
А это — гордость за страну
и за тебя, герой...

22.01.2014

Воины Римской империи,
древние готы,
мальтийские рыцари,
крестоносцы,
казаки Запорожской Сечи,
русские гусары,
Наполеон,
воины первой
и второй мировой,
Красная Армия,
что всех сильнее
и спецназ наш украинский
“Беркут”, “Ягуар”
и другие...
Названия их элитные
и брендовые.
“Воины”, — сказал о них
сам Бездаров-премьер:
“Квартиры дадим,
деньги,
лечение...”
Они защищали власть
от народа.
Стреляли в детей-героев.
Первых убитых — шесть —
лишь вчера.
А сколько исчезло,
украдено ими?..
“Воины.”
Но на морозе, чтоб
не бежать в туалет,
им памперс положен
по экипировке
как и бронежилет.

И носятся в памперсах,
избивая людей.
Памперсы...
Воины...
Полный писец!
Как вам, женщины,
эти воины,
добровольно одевшие
памперсы?
Убивать в них людей...

23.01.2014

День прошёл быстро
и ночь снова
гонит
бугристым небом
тяжёлые облака
до утра.
Кого сегодня возьмёт
урла?
Кому свернут шею
и череп раскроют?
Они, ментяры,
патологоанатомов из
себя строят.
Страна с ландшафтом
угрюмо-страдальческим
как заброшенное кладбище
и кресты подгнившие
наклонились,
а где и попадали.
Остатки венков на могилах
просевших,
и звери норы роют
к зиме готовясь
следующей...
Кто-то со злом в ночь
языком,
ненавистью с отравой
на народ свой,
будто он не прав,
а правый...
Да!
Был бы левый,
было бы легче,
особенно
нашему партшоблу
от остатков трупа
Компартии СССР.

Монстром генетическим
вобрав в себя
как страшный зверь
оскал добрый,
но зубы-ножи
режут тело.
И яд!
Похороны бесконечные...
Кладбища грустные
сёл когда-то многолюдных —
сегодня выбиты окна, двери,
сгнили заборы,
в небо щели
сквозь церковные купола.
Онемел мой крик.
Столько кричать
к Богу,
а в ответ
ещё страшнее беда,
чем снег и морозы.
И руки обмерзшие
белеют инеем.
Лицо заиндевело
и снегом покрыто.
Он ещё жив,
недобитый.
Но как найти его, героя,
и спасти?
В темноте
его забирает небо.
Я, сжав зубы
до боли челюстей,
мёрзну в теплой комнате.
Герои умирают,
а Бог оставляет
нас без головы
с человеком измученным.

И нет пилы
отрезать головы
самим себе,
чтобы быстрее уйти
вверх...
Смертный грех
эти мысли и желания...
Ландшафт страны
ассоциируется
с заброшенным кладбищем,
и дети, внуки
остаются здесь.
А мне устоять нужно
даже с отрезанной
головой,
и пусть мороз,
и пусть снег...
Если бы только они...
Но нет...

24.01.2014

Вечер медленно
переходил к ночи в объятья,
и счастлив, рад был
от её очарованья...
А я в дремоте ещё
о чём-то думал,
а тут звонок.
Снова Вова ПутинЪ.
— Привет, поэт!
— Революционный наш — тебе...
— У нас мальчишник:
Сашка Лукашенко, Медведев Димка,
Назарбаев и друзья твои
Обама с Берлускони.
Прилетай к нам!
Расскажи о революции,
что под моим кордоном.
— Вова!
Ты достал.
У тебя Олимпиада, Сочи,
бабы,
на кой тебе и я
и революция народная?
— Да нет, поэт.
Я жду!
Я понял: Вова выпил лишнего
и отвязаться не смогу.
— Слушай, говорю, — меня:
если ты друг,
собирайтесь все — камуфляж,
каска, противогазы, рюкзаки
с выпивкой-закусой.
Я поведу вас на Грушевского
и на Майдан.

И Вова крикнул от восторга:
— А как приехать?!
— Да charterом, в Житомир.
А там, машинами,
час десять ходу.
И Вова бросил трубку,
не отключившись.
Он радовался как ребёнок,
суетился,
говорил всем:
— Быстро! Быстро!
Сюрприз вам, братцы,
от нашего друга-артиста!
Потом затихло всё,
и я уснул...
Опять звонят:
— Толя, я у парадного стою!
Микроавтобус “Мерседес”.
Жду...
Одевшись быстро,
я скатился вниз.
Действительно, бус стоит.
Влезаю вовнутрь.
Все в камуфляже,
на шеях противогазы.
Хлопцы и девчата.
Выпивали.
Я тоже взял бутылку виски,
и отогнал свою сонливость
и недовольство.
Почувствовал тепло я в теле.
Красавицу за руку взял:
— Ты не в обиде, Вова?
— Нет, поэт!
Она твоя сейчас,
а хочешь — навсегда.

Минут за десять
были на Крещатике
в противогазах,
касках,
масках,
чтоб не узнали.
Здоровались с восставшими.
Сашка Лукашенко
отрезвел в момент,
ПутинЪ попритих,
и лишь Берлускони
пытался приставать
к женщинам Майдана,
даря им шоколадки.
Потом мы двинули
вперёд,
на сам рубеж,
на улицу Грушевского.
Там мент стрелял
на поражение.
Восставшие стучали
в бочки и деревянные щиты,
бросали камни,
коктейли Молотова,
и жгли автошины.
Чёрный дым, огонь
и гарь.
Взрывы гранат российских.
— Газ! —
предупредил восставший
и упал на руки Сашки.
А тот толкнул его —
и на баррикаду.
Вовка за ним.
А там — менты и “Беркут”
ихний.

Схватили обеих
и потащили выше.
Я в шоке был,
и все другие тоже.
Помочь ничем нельзя...
Менты стреляли
и бросали без конца гранаты.
— Война с народом, —
прошептал Обама.
А Назарбаев упал на баррикаду.
— Я не дойду, — говорит, — вниз...
Чуть отдохну, может, встану...
А мы летели
на парах,
спасая президента Штатов.
“О дурак!” —
подумал я вдруг о себе. —
“Что ж ты наделал?
Конец трынде...”
А “Беркут” бил
всё Сашку больше —
Вову пожалел —
совсем уж крошка.
Подумали — отец и сын.
Лупили Сашку,
а потом раздели и по снегу
пустили голым каруселить,
дали лопату в руки.
Снимали фото, видео писали —
а он, в шоке, забыл вообще
кто он и где...
Это потом мы всё
узнали.
— Звони, Барак, нашему
гаранту,
иначе Сашке с Вовкой —
клямка!

Барак говорил минут
пятнадцать.
А вот и вертолёт
на Европейской.
— Вам всем подняться! —
сказал пилот,
и мы ушли на Междунорье.
А министр ментовский
вез уже друзей моих
с ментовки.
Гарант испуган был,
увидев Сашку битым
и чуб отрезанный
так лихо,
а Вова заикался и икал...
— Ну, Витя!
Ты здесь дал!..
Потом пошли все в баню.
Я тискал девку,
Вовкин подарок.
Пили коньяк,
что-то жевали.
А Сашка в шоке так и остался.
Вова тоже не пришёл в себя.
Все улетели утром,
а гарант подвёз меня.
— Ну как мои менты?
Во янычары,
так крутить кранты!..
— Да, Витя...
Не завидую тебе.
Я на Майдан.
Останови кортеж....

Ночь осталась с вечером
поспать,
а утро раннее пыталось
со мной
лучами солнца поиграть...
Не до тебя!
О, революция моя!

24.01.2014

Сегодня утром в рань
на Майдан
зашли матросы из Кронштадта.
Глянь!
Да с ними и Ленин ихний!
Шли они пешком
месяц с лишним
на помощь нашим,
власть народную восстановить.
— А где буржуекоммунисты ваши? —
спросил их старший.
— Прячутся как крысы
в день вчерашний, —
ответил наш восставший.
На митинге Ленин выступил
речисто,
и все потом на баррикады
быстро...
Я шёл рядом с Ильчём,
и всё выпрашивал его
о том, о сём.
Он серьёзно отвечал
и поучал.
В воздухе штыки блестели
и порох пах...
Менты бежали, не выдержав
напора.
— А что мужчины ваши? —
спросил Ильич.
— Что мало их?
Испились, верно?
Дегradировала совесть,
лежат и смотрят в телевизор?

Долбни!
Но ничего.
И этих хватит.
Ещё придут с Кронштадта.
Вернём народу власть!
И Зимний буду
снова брать!
Мы по дороге к вам хотели,
но время дорого здесь, в Киеве,
и не успели...
Слышь, поэт,
а на календаре
какой, блин, век?
— Двадцать первый,
товарищ Ленин,
год 2014...
— А я думал — двадцатый,
год сорок первый или сорок пятый...
Ваши фашисты —
бандиты и менты,
бьют людей покруче
чем те, пришлые...
Ночью будем брать
почтамт, минэнерго
и банк,
чтоб деньги были!
— Товарищ Ленин, — говорю, —
а вы же умерли?..
— Ну-ну! —
Ильич ответил.
— Умер, но вернули, чтобы
снова мир ответил.
Он опустился вниз настолько,
что ад, прости, стал выше...

Сломали, гады, перегородку
с адом,
и ходят там туда-сюда:
то девок тащат в мир,
то мужиков,
то чей-то там мундир,
женятся и замуж прут
за адских.
— Ну хватит! — Бог сказал мне.
— Пора остановить бардак!
И я пришёл регионалов
чистить —
это же мой проект...
Я тискал девку,
развлекался,
а она мне, трында,
всё намекала
о кайфе, прочем и другом —
мол, партию заделай
там...
Мурлом профура оказалась.
Проникла с мира
и таскалась с чертями год почти,
считай.
Вот я заделал ей...
И кайф!
О баба, блин, поэт!
Фамилия на “Б”,
и “О” конец.
Забыл...
А город дрался до утра.
И я просил вождя
не создавать империю опять.

Ленин ответил:
— Мне плевать!
Я чищу мир,
а что мне та империя?
Прошел,
пропил,
спустил,
ссучил...
Ведь суки здесь давно!
Им не империю,
а бабло
и бабу в бане...
Я их почищу, гадов!
С ваших начну.
Люстрировать, конечно,
всех снизу вверх,
потом обратно,
и ошейничек на шею,
суке, навсегда,
где надпись будет
“Падла мира”
и года их по родам —
кто сколько и на сколько в ад,
и кто он там.
И Ленин говорит мне так:
— Кого Бог хочет наказать,
то разум отбирает.
Вот, на постсоветчине,
забрал.
Забрал по миру, и у многих.
И ваши погорели
без ума —
тащили всё себе.
Теперь — хана.

Считали сами
умными себя,
а ум ушёл,
надолго, навсегда...
Махнул рукой матросу
и говорит:
— Дави их,
морячёк, как вшей!
Потом возьмётесь
за буржуев, олигархов,
ментов, чиновников,
судей, прокуроров —
люстрацию даёшь!

25.01.2014

Двадцать три ступени
вниз,
и каждая ступень
как шиз,
большого шиза
там, внизу.
И я иду,
и все идут.
Двадцать три года
вниз...
Мы сами все туда пошли
по дури той, которой
горы
мы накопили
за те годы,
которые тоже вели
к великой цели,
и нули увидев издалика
мы подурели,
и тогда
вперёд вышла толпа
отбросов общества,
что сзади лежали
кучами с червями,
а тут они поднялись
и впереди вдруг оказались.
Мы независимы остались
от всех зависимой
морали
и приняли антимораль.
В ослеплении рассовали
остатки совести
в карманы
и променяли на
педали,
и вновь — вперёд!

Там всё доступно,
и гроб старых иллюзий
пришлось тащить всем
гузом с грузом,
который дорог был
нам всем.

И по ступеням лет,
где шиз делился
с нами частью,
и часть вгрызалась
в души шедших,
и с каждой ступенькой
лет исшедших
мы превращались
тоже в шиз.

Мы злыми стали,
антреприз каждого из нас —
театр дешёвый
напоказ,
ещё награды, слава, деньги.
А та толпа, что сзади,
стала первой,
рванула быстро
и заняла все удобные места.
А мы вышли уже
не те...

Психические формы
где...

И вот ступени оборвались,
и мы все вниз сорвались,
огромной массой
в глубины шиза большого,
Все вместе!

Теперь восстали.

Но нас достали
и стали бить по голове,
а сами
сосали кровь с вином.

Коктейль,
соломинка
и вой —
как нам выйти вверх.
Порой оттуда свет,
но двадцать три ступени
лет...
А мы больны,
и нет почти здоровых,
кроме тех, что рождены
по ходу...
В моду
вошли все деньги мира
и всё доступным стало.
Прежде было в подполье,
а тут и женщины голые —
в газете,
глянцевом журнале,
на диске,
видео
и прямо
в окне борделя:
нате, берите меня,
всем хватит!
И все хватали,
и глотали аморали
и наркоту,
что нам давали
в любой машине ментовской...
Не даром.
А мир зашёл в тупик
вдруг тоже
и там застрял надолго
и двинул рылом в тот тупик.
Тупик подвинулся.
Мир прёт на рыле
с тупиком.

А что там дальше
и потом?
Не видно миру
ничего.
И сунет он вперёд
бабло,
и даже небу,
и давно,
дают бабло.
Небо взять его
не может,
и не возьмёт,
но гложет
часть пасторов любовь
к баблу —
их деньги греют —
и вновь берут
как будто небу...
А мир тупик одел
на шею
и лезет рылом...
Фонарею!
Ведь там — обрыв
и слёт с планеты,
и в космос дальний
без ракеты,
а просто в блуждании
свободном
навечно в Космос...
Космос в виде дохлом.
А мы пытаемся
спасти
хоть тех рожденных
на ступенях вниз,
которые ещё здоровы —
их шиз не взял
в пелёнках.

Споро педали давим
вырываясь,
а толпа разъевшихся внизу
хватает,
рвёт зубами
и не пускает.
Но мы пытаемся.
Кто знает?..

25.01.2014

Тегеран.

Год 2014.

Месяц январь.

Число двадцать шестое.

Время ночное.

Квадратный стол. Дубовый.

Четыре кресла новых.

Свеча горящая в ночи.

За стол садятся

политические силачи —

Сталин,

Рузвельт,

Черчилль.

И я.

Сталин напирает на меня:

— Тэбэ оставил я СССР,

ты его спустил.

Повэр, я нэ был зол.

Но и с Украиной ты

совладать не смог...

— Товарищ Сталин, —

робко вставил я:

— Украиной правила семья,

одна другую всё сменяя,

и олигархи с ада Враля...

— А что мнэ доложили

о тэбэ?

— Я писал стихи,

товарищ Сталин.

Я боролся с первых

дней почти

с выбросами ада Враля,

но тщетно было.

Крали, ввали
все люди с этими
жлобами.
Вины моей немало,
что я не взял
в руки меч и прямо
не вышел
и хоть одного...
— Да ничэго.
Ужэ пошло.
Ужэ рубают гадов
всэх.
Европа, США молчат,
лишь трэск
о санкциях.
Ну что вы, господа, молчитэ?
И Рузвельт начал тихо:
— Сменилась власть в США
под бабло.
Народ заелся,
аж смешно!
Сначала доллары качнули
в Украину,
их там украли
и снова в банки
США заколотили.
Мне стыдно очень,
друг мой, за страну.
Но я их чуть встряхну!
Черчилль встал
и вытер слёзы.
— Британия, — сказал он, —
многие ведь годы
Китай сливала,
то индусов,
теперь вот постсоветчину
как суку

под забором в темноте,
и очередь стоит большая.
— Фэ! —
сказал вдруг Сталин.
— Вэд столко бывшесовэтных
они собрали,
а это врэд народам.
— Да, товарищ Сталин! —
ответил Черчилль.
Ведь так прямо
и открыто
ворвались в постсоветское
корыто
как свиньи
сэры, пэры, лорды.
Мне стыдно
до стыдобы,
и я угрею их дождём,
а затем морозом,
и на взлом
сердец включу системы.
Я чистить буду всех —
и Рейн, и Сену.
Мне стыдно за Европу.
Очухались ведь от горя,
и сострадания нет
к другому.
— А что момэнт тэкущий,
Анатолий?
Я долго говорил и с болью
о всех продажностях житья.
О бандах, что сегодня в славе,
и их воспевают артисты
не только в баре —
в дворце кремлёвском
шансон рвёт
о зеках, тюрьмах души.

Вот ещё коррупция
сплошная,
воровство остатков СССР.
Играя, власть упивается
собой,
Майдан вот в Украине
бьётся...
— Доля Украины такова, —
ответил Сталин.
— Да!
С нэё начнется весь
расцвет.
И не Украина в Россию —
нэт!
Потом, очистившись,
пойдёт Россия,
а Украина силой
поможэт и Европе,
миру
понять, что человек ты,
а нэ вымя,
которое сосут бандыты!
Потом подали ужин.
Выпил
и закусил я скромно.
Попрощался за столом,
не круглым,
но огромным,
и вылетел домой
писать о жизни...

26.01.2014

Комиссар Евросоюза,
господин Фюле,
снова в Украине.
Пресса, кинокамеры,
улыбки.
Фюле с президентом
рады.
Лица их сияют от отрады
прошедшей встречи.
Фюле попросил, чтобы
демонстрантов не душили.
Президент пообещал.
Но уже убили...
Не одного.
Отпевали утром Жизневского,
юношу-героя.
Гроб несли Майданом
и по улице Грушевского
смерти-боя.
А город в баррикадах
и морозе.
Шины горят и дым всё время
чёрный,
но нравятся стране
эти костры,
и очень.
Автошина стала символом
революционным.
А в это время
рыцарь дверь открыл.
Встреча тысячелетия.
В зале
сидели все,
кто в Киев тайно
въехал —
император Первого Рима,

товарищ Сталин,
Наполеон,
рыцари из Мальты,
князя Древней Руси,
а наши
с революцией
по стране всё шли и шли.
Наполеон выступал
недолго.
Доволен был Украиной
и стойкостью её
героев.
— Я бы, — говорит, — возглавил
эту высокую сегодня
цель.
Римский император
без любви
почему-то критиковал
революционный дух.
И здесь поднялся
товарищ Сталин.
— Простытэ за рэзкост,
император,
но ви излишностью любви
к России
пытаетэс
принизит Украину.
Вы нэ правы.
Подумайтэ сэръёзно.
Время мало.
Грустно...
Рыцари мальтийские
говорили о помощи
стране.
Они ночью патрулируют
в дружинах.

Ловят бандитов в Киеве,
которых власть послала
бить народ.
Неслава власти.
Власть-урод,
и скоро ей в поход,
в глубокий бункер Психолох,
что есть зад ада.
Князя Киевской Руси
поставили оценку
выше —
они довольны молодыми
прибывшими
в Украину...
— Слышьте
рождение страны,
которая встряхнёт весь
мир!
Сталин кивнул мне
и прошептал:
— Пыши поэт,
всё пыши.
А сам что-то говорил
императору из Рима,
может, о древних
временах тех.
Красиво
блистал по залу свет
люстр бесконечных,
блестел паркет,
ковры играли...
Песни.
Музыка.
И ужин, а
может, завтрак ранний.

Дружно все,
прощаясь, уходили,
таяли в стенах, окнах...
Диво!
Один остался я.
А журналисты и не знали
о встрече важной
для страны, что
вверх, как сказал
мальтийский рыцарь,
уже пошла...
И её не остановить!

26.01.2014

Глаза.
Сглаз.
Неприятности.
Проблемы.
Горе.
Беда.
На правом плече ангел добра.
На левом плече бес...
Ангел защищает ночью и днём,
в дороге,
в доме,
в борьбе со злом.
А бес пьёт, гуляет и спит.
И вдруг человек говорит
сам о себе
или о ближнем,
мол, как всё хорошо!
А бес, вдруг, услышал
и горе пошло.
Вот и есть сглаз.
А глаза...
А глаза хороши —
сам себя
сдал бесам
от чистой души...
Чистые помыслы,
и душа в любви,
но бес услышал,
ленивый и злой,
и недалёкий.
А мы недовольны
судьбой
и на судьбу!
Глаза...

Я их люблю,
особенно тех, кто дорог
был мне,
кто дорог сейчас.
Но я о стране,
которая в новой,
пришедшей войне
по очищению святой земли
от бесов из ада,
что здесь завели
законы бандитов
и горе рекой,
где кровь льётся “элитой”,
ментами
во здравие своих
и за упокой...
Чисты душой,
и помысли чисты,
и глаза
всех тех, кто вышли.
Бесу не взять
и не накликать беду,
потому что энергия
героев —
не за себя,
а за страну.
Даже за тех,
кто пофиговал счастье
других
и свой путь избрал
единоличника...
Богу враг тот,
кто оставил брата
на снегу умирать...
Как научить вас?
Как вам понять?

Мои вы родные,
но так безразлично
жестокие,
ё вашу мать...
Неужели есть жизни
счастье
себе
на мягкой постели
или в жене?..
Кайф от таких
лишь сатане.
Рвётся намордник,
хрипы, слюна,
глаза еле видно,
и в них только тьма —
это ротвейлер
или боец-бультерьер...
Вам конец!
Да нет!
Я с такими дрался
полчаса маленькой
веткой с вербы:
он убегал,
возвращался,
а я не сдавался.
Я был с ребёнком,
Марией.
И защищался,
и защитил
дитя небом данное,
а он без сил,
сытый, откормленный,
еле дышал.
Люд проходил, и я кричал:
— Бросьте мне палку!
Но они убегали.

А я оставался с ребёнком
и далее
тонкой веткой вербы
защищался.
И ушёл.
Вот так и мент
смотрит с оков
тяжёлой брони
и шлёма с забралом
как бультерьер
на народ...
Но он даром копит
в себе злую силушку.
Проиграет он бой
героям,
в психушку его увезут
в точное время
ноль-ноль часов,
закроют в лечение,
кого-то и в клетку за
убийства людей.
Так что держись,
уже не долго,
мент-бультерьер!
И гонит страшилки мир
как всегда
Европа, Россия и США.
Что и как будет?
И кто победит?
А свора бандитов
в Лондон бежит —
у них по Европе, США
дома и квартиры,
у них там счета.
А вы проглотили
господа демократы
мешки с грабежа,

с убийств
и расстрелов.
Не навсегда
вам спасибо будет от них.
Они вас там вжарят.
Он так привык.
Он убийца-бандит.
А вы всё о санкциях
героям войны.
Да нахер нам басни
с плеча от бесвы...
Мы победили уже
всех чертей.
Страх наш ушёл
к ним,
а от них к вам
на плечо,
а потом и взашей...
Ваши глаза.
Ваши слова.
Ноль им цена,
а в это время,
вгрызаясь ротвейлером
в нас
упивается кровью бесва...
Но это наши бои
и наша война.
Мы очищаем мир
от гор зла.
А вы говорите, пугаете,
технологизируете.
И ваши глаза...

27.01.2014

Мир клеймённый
падлом по тёмной,
и на рассвете клеймо
всем этим, кто ждал и верил
о предназначении
своём высоком
над миром
с оком
довольно хитрым
и нагლოსкромным
с умом огромным,
но ограниченноудобным,
спресованным в небольшом
объёме
отдельно взятой головы.
От Сатаны.
Так вот клеймо
им стало
как орден,
ордена,
секты,
общества
ума их над другими,
где всё не так
и где не тех клеймили.
А эти прут с себя собою,
из себя вылазят
и змеёю,
оставив кожу,
лезут вверх.
Полез, полез, полез!
А там клубками
и с клеймами
в споре лютом за места,
в которых
и трон, и бабло.

И бойни, драки,
бегут солдаты,
летят снаряды,
летят ракеты,
а в добавок Миноминмед
в виде лекарств —
известить и отравить
весь белый свет.
И рвут друг друга,
и тех, под низом,
загоняют в угол узкий.
Угол мочит кто-то кровью,
кончая жизнью
как любовью
в экстазе страха подневольном.
Как в зоопарке нашем
дохнут,
не доживая дней своих
дикие звери.
Слышен крик — это
медведь бьёт головою
в стену бетонную
до крови,
и жизнь его ушла в неволе
в волю
смерти...
А волк съедает себя
в клетке:
сначала хвост,
а потом лапы
и умирает тоже.
Сдали
зверей на экспертизу —
там говорят:
— Ничего не вижу...
Он умер сам.

А зверь ушёл
от зверства мам
поставленных над ним.
Вот так и мир
с клеймом
гордынь.
Никто не прячет под бельё,
а выставляет
на вид своё клеймо.
Политик,
мент,
судья,
спецназ,
разведчик (ха-ха-ха!),
магнат,
и каждый с них ведь офицер,
но честь его
как море вшей
сожрёт тебя внизу любого.
Он ведь подлец,
подонок —
слово подобрать нельзя,
и только русский мат
ему в глаза...
Но он не слышит глазом,
он не видит ухом.
Он клеймлён
в ночи,
рождаясь только
редкой
в природе
сухой...

27.01.2014

Я смотрю на тебя
сквозь окно,
мой снег.
Сожалею, что не падаешь
ты на меня.
Меня под тобою нет...
Свет,
смешавшись с молочной
дымкой тумана
от сильных морозов,
в пространстве
тает.
И снег всё покрывает.
А за круглым столом
сидят презираемые странною
люди
и решают судьбу
восставших пустой
болтовней.
Холённоупитанная
“элита”,
сходняк их,
и стол прямоугольный,
не круглый,
а крышка
гроба большого
за кровь детей...
Ещё немного...
Немного часов
и немного дней...
И в снегу колючем,
морозном,
схлестнутся воины
с силой чёрной...

Вороны сидят
на деревьях и крышах,
нахохлившись от холода,
а до весны
напролом ведут
страну и людей
витязи новые
и их идей
о правде
и счастье
всего лишь —
не за себя...
Обидно,
что не все
понимают,
не чувствуют дух их
и воспринимают
пролитую кровь
мятежом, произволом.
Эх, вы!
Недалёкие разумом
с чёрствой душой
и без Бога!
Снег падает мелкий, мелкий.
Солнце прорвало дымку
и ярче светит.
В бочках железных
горят дрова.
Они вместо печек
на улицах,
где война.
В тёплых кабинетах
пока сидит под допингом
братва...

А революцию не остановить —
она стрелой огненной
пошла,
и от неё огонь пойдёт
по миру,
загорятся в сердцах
огоньки
и вырвут
наружу свою силу.
Мир будет меняться.
С тебя всё началось,
моя Украина...

28.01.2014

В конвульсиях
в огне революции
сгорает совдепия.
Да, товарищ Ленин!
Это она ведь
в монстр преобразилась
за два десятилетия
и стала такой,
как родилась...
Совдепия.
Связь коммунистов и комсомольцев
с бандитами,
мутация прокуроров,
ментов,
судей,
спецслужб
и руководителей —
страшных адских
путеводителей...
Где дорога одна —
кладбища,
ад или тюрьма
целой страны
и стран.
Где та же
“колючка”,
вышки,
вохра.
Где пайка, чтоб жить
чуть-чуть лишь,
пока
не унесут...

Совдепии спрут
страшнее того, с которым
боролся в сериалах
комиссар Катаньи
в семидесятых
того столетия
прошлого.
Здесь сплошной
яд,
плесень,
кистень,
нож,
автомат —
для всех подряд,
даже для тех, кто
властен, богат.
Много всех нас лежит
и через глазницы черепов
смотрят назад,
где ад...
Уходя от него
через революцию
живых и мертвых.

28.01.2014

В революционных эмоциях
восставшие поймали
бандитов, так называемых
“титущек”,
власть спасавших
и бивших людей стальной
арматурой и трубами.
Революционер тряс
испуганного и помятого
бандита
и кричал ему в лицо:
— Ты за мусоров или
за народ?!
Бандит вяло отвечал,
что он с народом.
И это правда истинная.
Как им,
уродам-бандитам,
да без народа?
А кого грабить, убивать?
Чью кровь пить-проливать?
По стране мечутся
и летают эскадроны
смерти.
Бандиты с ментами
и властью в одной связке.
В Донецке бандиты
по наводке ментов
били до смерти
активистов Майдана.
Те в ответ тоже
железо достали —
крушили друг друга
до смерти.

Но оказалось, что это
тоже бандиты —
менты перепутали площадь
и битами ломали головы
бандиты бандитам...
Менты ошиблись...
Ошибка непростительная
для такой мощной власти.
А в Крыму “Беркут”
ментовский пошёл
в атаку.
Бил и лил кровь
активистов Майдана.
Они кричали:
— Мы ваши!
Мы с вами!
Но пока не положили
всех на асфальт,
бить не перестали.
Но это тоже были бандиты.
Ошибка власти,
едри ты!
А дикий вальс
по стране
ментов и бандитов
под музыку страха
революции.
Биты те и эти.
В Черкассах глава
администрации, некий
господин Козолуб,
давит революцию
наглостью грязных рук.

У него припас:
два дома в Испании
на берегу моря.
Атас!
Испанцы,
готовьтесь в танцы,
когда он сбежит к вам.
Отыграется быстро
с остатками жлобского
хохлосрамиста.
А революция начала
побеждать.
Власть как зверь
затравленный
сдаёт за пядью пядь.
Но это не значит,
что будет так.
Их уже не перевоспитать,
а только крушить
и гнать за рубеж,
кого-то на зону.
Но, наконец,
снег.
Белый снег.
Чистый как совесть народа.
Горящие автомобили
революционеров,
поджигаемые бандитами.
Пламя революции
поыхает,
и постсоветчина с Европой
сжимается
в точку материи.
Но когда-нибудь отгромыхает...

29.01.2014

По полю, по полю, по полю
боя, боя, боя
новых, пришедших
с воли
на большую зону,
возросших в боли
за небесами, волей,
но видевших
всегда зону
перед глазами
с болью.

Вышли все на поле
с силой духа воли,
но враг, хозяин зоны,
и паханы — невольны
по законам зоны
и “понятий” шобла
бросили “в законе”
ментов
вооружённых
против духом
свободовольных.

По полю, по полю, по полю,
по крови, по крови, по крови
тысяч поливших зону,
и всё это лишь ради
воли.

А как вам многим
не понять.

А как вам многим
не мечтать.

А как вам многим
и не жить.

А как вам многим
лишь служить
на зоне...

А вам свобода —
ни к чему.
А что свобода пахану?
Когда понятия и сленг,
и феня ботает
как речь
общения на зоне...
Вам не понять!
Дым,
взрывы гранат,
нас ядовитый травит газ.
Фашист ментовский,
что спецназ,
стреляет точно в глаз —
за наши деньги
их учили
много лет.
Пуля в глаз.
Лежит
залитый кровью
журналист.
Один,
второй,
третий...
... сороковый
за эти дни.
Потом их будет двести...
— Ты пойми, —
говорит полковник важный:
— Их давить нужно!
Они же нас,
едрёна мать,
не так все видят!
И камеру ногой!
Глухой спецназ
к чужой боли.

Министры,
депутаты,
паханы,
смотрящие,
боевики,
воры,
какие-то “титушки”, глядь!
— Бандиты это, блядь!
И время их пошло
в обратный ход,
в подземный ход,
с тех пор,
как в свет вошли
другие —
люди воли.
По полю, по полю, по полю
боя, боя, боя,
по крови, по крови, по крови
улиц города святого
в черных обгоревших фасадах
ветер веет
снежной крупую...
Болью...
Болью...
Болью...
Эхо моих слов
по полю
боя,
боя,
боя...
Страны, что
впала в кому...

29.01.2014

Кровью багрит снег
власть тираньячья.
Революция
в ответ
мирной акцией.
И молитвы всех
по стране церквей,
чтобы как-то хоть
уменьшить поголовье
свор чертей.
И вот власть в ответ
им закон в пакет
да диктаторский.
А статьи то там —
йолы-палы, блин...
Мирный митинг вдруг —
и преступник ты:
от двух лет до пятнадцати.
Лучше бы уже
да на кол.
И пошла волной демонстрация
к дому верхнему радости, что
забь законы те
да вернуть назад.
Ведь голосовали
их рукою в мах,
и людей-то тех в радости
не хватало в час
законочатья...
А тут, вдруг, менты,
“Беркут” с ружьями,
и пошли бойцы безоружные.
Кровь лилась рекой,
тыщи раненых
и убитых — страх!
Отпевания...

То, что лег герой
не зазря,
знают все в стране,
но не ментва.
Страх прошиб насквозь,
и огонь шин горящих
иссушил мозги
властьдержащим.
И пошли назад
яко лисы в ряд,
отменив законы
или только часть...
А в тюрьме сидят
по законам тем
сотни люду, брат.
И кричит верхмент:
— Не отпустим их!
Пусть сидят!
Верхнадзор радострастия,
что от власти гад
водит коз гулять
тихо тащится.
Отойдите, мол, из Майдана
вы,
освободите все помещения,
а потом и мы
аннулируем
эти трения...
А, может, прения...
Скорее, обсуждения...
А разобраться — то разведение...
Лоховское их,
им привычное.
Как-то к другу
я зашел вечером.
Поимел жену его,
а он нервничал...

Я компьютер взял,
громыхнул об пол,
и ушел удовлетворённый
всем
домой...

А друг звонит всё
да за компьютер тот,
мол, купи другой,
я же друг тебе.
Ну пошёл я вновь,
и с порога
битой крепкою
снял поллоба,
поломал ещё руку правую,
пистолет достал
и пулю наглому!

А жену его
да на кухоньку,
хоть квадратов пять,
но уютненько,
поимел как мог
и курнуть ей дал,
а потом — домой.
Ой, устал...

А друг звонит всё
мне из больницы,
мол, друзья с тобой,
и привычки
в нас давно одни
и одна страна,
ты жену дерёшь,
но моя ж жена...
Так купи мне ты
компьютер, друг.

Это ж хлеб мой,
про жену забудь...
Я сказал ему,
что готов
положить ноутбук
хоть завтра на стол,
но ты должен мне
ремонт сделать
в офисе,
авто в ремонт, за свои,
и ещё бы
с женой твоей в отпуск...
Ой, что-то с головой...
Ой-ой-ой...
Что-то с человеком и страной...
Ой!

29.01.2014

Поэзия — это огонь,
снарядов разрывы
и мин постоянный вой.
Поэзия — это война,
война двух миров
от неба до дна
и через сердце
передовая всегда...
Война горячих разрывов,
контузия, раны, смерть...
Поэзия для ума
строптивых.
Дебилам здесь
ходу нет.
О них пишут только
вытаскивая на свет
матёрого подонка
и сволочь, что
много лет
бесчинствует и кривляет
образ иконы и дух,
извращает и развращает
неокрепшие массы душ...
Поэзия как война,
и головы падают наземь,
от усталости — тишина
между строчками,
что остались...
И спит солдат на ветру,
на морозе спит
восставший.
Сталинград повторяется,
и, вдруг,
город обожженный стал
краше...

Поэзия — не лепестки
роз лежащих на теле,
это просто романтические
штрихи
любви, что память греет.
Поэзия — это штыки,
стоящие всегда наготове
и кровь, капающая
на кресты
с колоколов,
что уже не звонят.
Их не слышат,
и не хотят.
Знамения возлагая
на тело,
что пахнет серой,
смолой,
чудак
крестится за деньги
украденные умело...
Поэзия — это ты
в травах обласканных
летом,
и солнечный свет
воды,
и поцелуй
первый,
такой неумелый...
Поэзия — это боль
ностальгии оставшихся
сзади
твоих, сегодня таких
дорогих, годов, —
слёзы только на миг
исцеляют.

Поэзия — это крест
тяжелый,
и стражи рядом,
и виселица,
и эшафот,
и пули свист
у виска.
Поэзия — это ты.
Жизнь дана в подарок,
и как её оценить,
когда радость
сменяет гадость?..
Поэзия — это ты —
Вселенная бесконечна
и мир нашей суеты
бегущий куда-то.
И только отдельным
видно небо отверстым...

30.01.2014

И снова рубище
в пещере каменной.
И снова жизнь не наяву.
Такое было,
мне всё кажется,
действительно ведь, дежавю...
И я смотрю на руки, ноги —
изорванная кожа, кровь,
и пот, и слёзы...
Без подмоги
тащу я вязанку на вечер
дров.
И горсть плодов —
шиповник красный,
и трав сухих пучок,
и весь мой ужин
столь прекрасный...
Лишь бы продлить
свою любовь,
которой сердце я питаю,
и без конца я повторяю
неторопливый разговор.
А вечер тает у костра...
И вот опять звезда, звезда,
и снова яркая луна —
ночь полнолуния...
Не до сна...
Лишь гулкий сердца
стук
и учащённый пульс...
Уснуть не выйдет вновь
как прежде,
ночь сладостей полна...

А мысли плугом мозг
пахают,
и борозды весны лежат,
над ними вороны летают,
кричат от счастья и весны.
Теперь вот невпопад,
и плуг —
то боком,
то вглубь,
то вверх...
А я картины всё рисую
о мире дерзком.
Человек!
Зачем пришёл?
Куда уходишь?
И был ли смысл в тебе
всегда?
Ведь чаще ты себя
заводишь в дикость,
и в голове твой плуг ржавеет,
и борозды лежат во тьме
десятки лет,
и в чахлах сорняках
змеи ползают,
и нет
зерна,
плодов
и хлеба.
Хлеб ты воруешь у других.
Готовый,
добытый с потом.
А ты на шее у них сидишь.
Как важный барин
празднолюбец,
сребролюбец,
плутодей,
злодей,
насильник,

ещё и любишь —
больше частью —
деньги, власть, блядей....
А ночь к утру,
и холод снова.
Но я привык
к пещере.
Зова не слышу я чужого.
Лишь одиночество...
Но мыслей
на века
с одним ответом —
счастье в Боге...

30.01.2014

Ранним часом
по утру
я стою на берегу.
Передо мною
панцирь
ледяной
реки,
а сзади глубокие
в снегу
мои следы.
Я долго шёл
под звёздами в мороз.
Я видел небо тёмное,
и сквозь
кольчугу туч
я видел сетку щелей
и яркий свет.
Я стою на берегу реки
и смотрю назад,
ловлю твой взгляд.
Взгляд судьбы, что
не пошла со мной.
Скорее, я бежал
в ту ночь,
оставив счастье мнимое
с тоской,
ломая жизнь свою,
и обращаясь с нею
как с сосновою доской.
Я строю жизни
новый дом.
И дерево придётся мне
пилить,
и боль его
я буду слышать
в тишине
на берегу этой реки.

И мне
не будет больше счастья
и мечты о нём.
Счастье и несчастье —
это чаши одних весов,
где мелкий вор
захочет, сделает обвес,
а ты, несчастный,
будешь ждать
милости
как милостыни ей,
своей судьбе.
И будут падать деревья
наземь,
и дом построю
новый,
красный,
в цветах, что собираю
в полях,
пусть будут маки...
Но всё равно смотрю
назад.
А стоило мне бежать
от так привычной
суеты
жизни человеческой,
где ты?..
Судьба...
И слёзы заливают
мне глаза.
Я уже не вижу
свои следы в снегах.
Я выбрал жизнь
и переломал судьбу,
оставив часть её
израненной,
а ту, вторую часть,
несу в душе.

Мне доживать здесь
в одиночестве.
Лишь щель
в кольчуге стали неба
и свет оттуда...
Думаю, что он меня
и обогреет...

31.01.2014

Добрий день,
мій Місяцю ясний!
Я пишу тобі листа
із буцегарні,
так називається тепер
країна,
наша калинова, співуча
Україна.
Із резервації глибоких
підземель,
де вугілля добували
вовкулаки вийшли.
Це неандертальці
з тих часів далеких
вийшли в світ
якраз під дахом бандитів
тих, хто там гуляв...
Неандертальців
прибрав до рук
“сход-сходняк-маліна”
і підкорив собі.
Та вийшло все не так
як планували
ті сходняки чи мо’ хурали.
Вовкулаки
тих бандитів повбивали,
кого поїли,
а кого законсервували
все в тих же шахтах.
Ах ти!
І пішли...
Трощили голови,
ламали
через коліно —
хрясь! — і з нами, казали,
будеш ти боєць.
І піддалися всі...

А далі вовкулаки
взялись за владу нашу:
кого купили,
кого прибили,
кого споїли —
все ті ж їх методи
дикунські.
І стали володарями
в центрі Європи.
У сумці в них
завжди лежав
кус м'яса
людського,
вони так звикли...
Далі пішли нас
різати, вбивати,
красти, палити
і в буцегарні закривати.
Сьогодні вся країна —
зона,
де вовкулаки-неандертальці
“стрьомно”
по їх “понятіям”
бушують...
Іде полювання на
залишок уже
простих людей.
Не чують наших криків,
зойків,
смертельних стогонів
в Європі,
не чують в США.
А вовкулаки розплодили
знову бандюгню,
але вже відомчу,
свою.

Горять автомобілі, хати,
люди помирають
від ударів в голову.
Солдати нашої армії
стоять і хліб жеруть,
а офіцери
з вовкулаками вже сплять,
щоб нових
народити в банду...
Народ бореться,
але щось дуже
мляво...
Прошу тебе,
мій Місяцю ясний,
можливо, ти якось
забереш
цих неандертальців-вовкулаків,
бо розповзуться
по всій землі
такі плодючі і зубаті...

31.01.2014

Мне о себе хочется
память оставить.
Вырвать из сердца
золота нить,
невидимую глазами,
на которой спрессованы
листами,
томами
и целыми полками
слова несущие
жизни смысл
и, содрогаясь от грома
ударов
молнии раскалённого
по небу металла,
дождя пока
тихого.
Ветер,
затихая
лишь на мгновение,
чтобы снова
сорваться
и в бурю
своими крыльями
ворваться.
Ветер без бури
страдает
и затихает,
ему кажется, что он
умирает.
Но время приходит
и ветер срывает
свою прыть
на облаках.
Я, промокший, стою
на поляне.

Дождь по мне волною
и еле-еле ветер уставший.
— Ты отдохни, — говорю, —
не старайся.
Буря и так уже
с буреломом...
Из золота нить
я всё таки вытащу,
и расшифрую
всё там написанное
тяжёлым трудом
в ночи бессонные.
Бессонные ночи,
а в них — те страницы
и книги,
которые пишет
сердце кровью
бесконечных терзаний
и безвременной болью.
Без остановок
и отдыха долгого.
Так, полежал,
помечтал,
и свободным уже
вроде стал,
что писал бы и писал.
В этом и есть свобода
от суетности
и безнадёги.
В этом и есть свобода
от злости
и уроды,
которого мог бы
тащить внутри,
и идолов, идолов —
иди, свищи
ветром по полю —

нет их по доле,
я их не вижу,
не знаю,
не строю.
Что мне кумиры?
Дешёвки,
не более.
Что мне диктатор?
Да так, посмеяться
и разыграть его
по его же
скрюченным пальцам
в вечерней мгле,
когда он ищет
психолога и бежит
ко мне.
Помните, Сашки, Вовки,
Витьки,
помните, Лёньки,
вам не дойти
до моей высоты.
Я — поэт!
А кто ты?
Вор у народа мечты!
Поспеши
и очистись в памяти лиц,
ставших ненужными
как мусор.
Лишь
золота нить...

31.01.2014

Может, стоило бы
нашему правительству
обратиться к странам Евросоюза,
США и далее,
чтобы убегающих оппозиционеров
наши менты могли ловить
в их странах и увозить
обратно.
А то чуть что —
и уже там.
То Вена,
Париж,
Лондон,
Амстердам,
Нью-Йорк,
Майями
и так далее...
А власть страдает
от противника
ненаказания...
Получив добро правительств,
отряд ментов
садится
в автозак,
бронетранспортёр —
и пошёл! —
от Мюнхена
и до Берлина
ловить наших оппозиционеров.
Придумано-то сильно...
Время придёт —
и исполнимо...
А что, если наоборот?
Граждане страны,
то есть народ,
автомайданом да
по лондонам,

британиям,
по венам
и восточным странам...
Евроинтеграторов
единоличников,
что лишь своей семьей, собой,
без подписи ассоциации,
гурьбой...
А нам кукиш с тобой...
Вот всех сюда
с деньгами
и для наказания...
Отъевроинтегрировать
в страну,
чтоб вместе всем потом,
а не только пахану
да с миллиардами ворбабла.
Европа принимает,
интегрит и США...
Недвижимость продать,
а деньги в бюджет пустой.
Быть может,
и это будет.
Но, скорее всего,
их спрячут,
и словоблудят
о санкциях
когда-то, на потом.
Держись народ!
Твоя страна...
Твой дом...

01.02.2014

Бог услышал мои
молитвы
и подарил мне
стихи.
Я стал другим.
И загорелись в моих глазах
облака небесной выси,
и солнце сползало
в красный раскалённый ров
на краю земли...
И наступала ночь.
— Ты не спеши, —
говорил я в кромешной
темноте и тиши.
— Вот уже и звёзды
загораются над головой,
и Луна
выходит
в путь свой.
А сердце так радо
от любви.
Первой ...
Второй...
Какая разница!
Всё там, в груди, —
любовь и стихи.
А время коварно всегда,
когда жизнь
уплывает твоя
обратным ходом
в былом,
а там, впереди,
новый дом...

И сгорая вместе
с облаками,
и падая с солнцем
в раскалённый ров,
что на краю...
Всегда по краю...
Смертельная усталость
часто так донимает,
но стихи ложатся
строчками,
не убегают
как время
в былое.
Стихи живы.
И будут жить со мною,
и, может, с теми,
кто их прочитает.
— Гений! Гений! —
кричит человек
о себе и мечтает
о собственной величи
тела
с душонкой,
что явно с душком,
и не очень тонким.
А я просто по земле
босыми ногами
в грязь,
что не есть грязь...
Грязи в поэта ведь
не бывает.
Есть земля с водой...
И пой, пой,
душа и сердце!

Мир прекрасно устроен —
и юность, и детство
вечно со всеми
в стихах
и во времени,
что фотографией
на стене
застыло
для вечности...

02.02.2014

Без креста
до “винта”
взошла наверх
крестящаяся босота.
В начале были
бита и труба
по голове,
потом пошли
“винты” —
горячие стволы.
Люди, как листья,
сгорали в снегу,
под дождями холодными —
всех их к “винту”.
Оставили только
резервации часть,
чтоб холуями были
и шли воевать...
Стрелять.
Убивать.
И тротуары им убирать.
Панцирь железный —
сейф на стране
европейской,
где деньги
босяков.
А шпане оставались
лишь крохи
да кулёк конопли,
мак без головок
и технический спирт...

Мы умирали
как бывший народ,
нас выставляли
щитами вперёд
на захват предприятий
и земель
паханом.
А “винты” отвинтили
головы нам потом.
А ты, Рассея,
всё помощь шлёшь.
Слова надежды,
где только ложь,
где тоже ствол
и пуль лишь свист,
ментовский дюжий
“морковный” мир.
Были стальными,
но развели
лохов мозгами
и увезли
металл на Запад за гроши,
оставив нам
овощ гнилой
и пушки...
— Гав! Гав! Гав! —
зовут на драку.
Круг беды.
Музычка машет
концом “звезды”.
А мы балдеем,
и “винт” — не враг.
Люд траншейный...

Их нам копать,
и там засыпать
потом нас всех
под шум музыкалки
и слёзы тех,
кто сына отдал
на адский глум
в эскадроны смерти,
в позор земли...
Абсурд с маразмом
смешали всё,
и повторяем то,
что прошло
ещё семь тысяч
лет назад.
Я съел соседку,
сосед моих собак...
А потом пили
на брудершафт...
Жена оскоминой
на его плечах,
а мои псы
в печёнках так...
Абсурд маразма
и ложь как речь,
и снег подтаял
от сигарет,
что мы бросаем
сквозь окно
на тротуары,
где так темно.
И днём и ночью
депрессиион...

Мы пьём таблетки
вместе с вином,
мозги вставляя
в черепа кость,
а они валяются
с ушей на
улицу и мост,
и хрен поймет,
что случилось...
Лишь “винт”,
как самый важный
в жизни болт...

02.02.2014

Ветер гонит
пыль дороги
облаками.
То остановит,
то порыв вдруг снова.
И пылится
вновь дорога,
и моё лицо, одежда.
Пыль горячая
как небо
с раскалённым солнца
диском.
Воздух как в мартене.
Близко
цель пути...
Но ещё идти, идти,
и волоку я еле ноги.
Мысль одна,
чтоб все тревоги
я отдал этой дороге
и войну в пыли оставил...
Война позора и бесславий,
и ведут её бездари.
Преступленья человека
против человечности
и века двадцать первого
пока...
То менты и “беркутня”,
то политики двуноги,
многороты и безголовы,
то какой-то
“Красный сектор”
из ментов, бандитов
вертит пламенем
стволов.

Жгут машины, тырят люд,
бьют активистов
всех вокруг.
“Красный сектор” кровь сливает...
В крематории
сжигают, чтоб
ушли люди
с концами.
Покамест...
Вове ПутинЪу привет!
И спасибо за гранаты,
за газ, что ядом
душит люд.
За огнемёты.
Если вдруг здесь будет
лишка,
их вернут тебе,
парнишка...
Но не в ящиках потом,
а как у нас — с открытым
стволом...
А Европа не спешит.
Здесь нет нефти.
Лишь кровь кипит
людская по сосудам.
А в сусеках пусто всюду —
вывезли всё за рубеж.
Там их банки
и манеж
для цирковых выступлений.
Вот Бездаров —
премьер-гений,
всё кричал о гомо-геях,
что в Европе позасели,

крыл ментов деньгами,
пушки подгонял им.
Справил на тот свет
немало люду,
покалечил,
и отправил зад свой
в Австрию, где геи...
Не боясь.
Там деньги,
внуки, дети
и та кровь,
что забрал с собой,
урод.
Будет пить её
ночами,
вспоминать себя над нами,
и войну, что развязали
против тех,
кто повыживали
от их правил...
Он таких направил правил!
Правили больше когтями,
копытами и зубами —
от Европы
фарфор.
Их родили не земляне —
они с ада, с преисподней,
там где черти верховодят...
А молчит мир
и глотаёт
преступленья века.
Так, чуть хает...
Для блезиру,
для отвязки.

А по миру
деньги наши
от державы,
что стоит уже без права,
без народа, что
согнали
“красными” их секторами,
партиями.
Эх, вандалы!
А тут бьют и бьют народ,
тырят дальше
кто что смог.
А я иду в пыли дорожной
жарким летом
и понемножку
одной рукой держусь за ствол...
Дерева сухого,
вчера нашёл...
А другой вроде бьюсь,
тренируюсь...
Ну и пусть с меня
смеются
птицы на деревьях.
Вьются стеженьки-тропинки
наших родных,
своих, ордынцев
и ведут все
в интеграц...ию,
европейскую протрацию...
Там они дадут
не только деньги,
но и споры,
споры генов,
что как грибы поганки,
кучей,

кучей, кучей
смотришь разрастутся
и вдруг вздрючат.
Аристократы их возьмут
в жены, мужья...
Бандитов и хапуг...
А в Киеве мороз
за двадцать.
Майдан притих
и ждёт приказ...
Ведь обещали те,
кто ведут.
Куда?
Пока тяжелый путь...
А я пришёл к конечной
точке,
где правда спит
и её дочки...
Будить пришёл её стихами.
Она любима мне,
и с нами она
останется уже
такой красивой,
в неглиже.
О ней мечтал я столько лет.
И вот вдруг встреча.
Ветер стих,
и пыли нет.
Только солнце и рассвет...

02.02.2014

Много наших бежало
из страны
за годы эти
от жестокой и только
дураку
невидимой войны,
когда лишь власть
по тылу
рысачит,
рубит
или сажает в зону,
чтоб наверняка.
Война...
Бежал премьер Коля Бездаров,
бежал богатым,
и как с пожара...
А ностальгию сбросил
боссу
в золотой ихний унитаз.
Вот особь!
Гулял по Вене как-то
вечером и наслаждался.
Зашел в бордель,
и там гульнул
с красавицей.
И вот так совпадение!
Она с Донбасса, родная, наша!
Брюнетка жгучая,
кровь с молоком...
Потом пошел в парк,
что рядом.
Сидел на лавочке.
А что еще человеку надо?

А тут стемнело
быстро.
Фонари зажглись.
Вечерняя прохлада
взяла за плечи,
и Коля двинул в бар.
Там в полумраке
дым, базар.
Он выпил рюмку,
выпил две,
крутнулось вальсом в голове,
и молодость вдруг вспомнил,
прослезился о той
далёкой, не по расстоянию, родине.
А тут подсел к нему
мужчина,
и начал гладить шею Коле, спину,
потом поцеловал в щеку.
Молодой, красивый.
— Я торчу, —
сказал он Коле,
и поволок его, блин, в кабинет.
И голым стал в момент,
раздел и Колю,
а дальше — геев секс.
Коля кричал от счастья,
лез на стены:
— А я ж Европу ненавидел,
блин,
за геев!
А я против Евроассоциации
принял решение
в угоду Путин'бу,
гаранта прихлестнул
к осине!

Время
бежало быстро.
Коля целовался с мужчиною
взасос,
лизал всё тело
и всё что мог.
А в первых солнечных лучах
офонарел:
— Вот так!
Мужчиной оказался
генерал наш
Хорошко-Плоховский,
тот, что в бриолине,
парфюмах
оторвал недавно в Европу
свои ножки.
И оба ошалели
от запоздалой,
но найденной
вдали от родины
любви...

02.02.2014

Колонией стали мы.
Колонизаторы все свои.
Колониальное рабство
было в нашей крови...
Мы их поддерживали
в “реформах”,
“порядках”,
новых ментах,
и наше рабство
нам было родным.
Дорог отечества не был
нам дым,
и мы бежали кто
куда мог.
По всему миру
наш след, наш сапог.
А те, что остались —
все на мели.
Их обобрали
и ввели,
как когда-то в Китае,
опиум
и алкоголь,
и вседозволенность
пола мужского
и женского пола,
и детство стало
не детством более.
Три дерева в снегу
без листьев
ветками к земле склонились.
Проходит зверь с дитёнком.
Вдруг — выстрел!

Тонко
сафарит гарант
на работе —
а что здесь, в колонии,
делать-то более?
А народ спал в стогах
на сене,
народ любил ещё
и рожал деток.
А дети росли, учились, читали...
И что к чему
как-то быстренько
разобрались.
Одним, как и всем
в этом душном мире,
пиво,
водка,
футбол.
И диво
ждали все почему-то.
Диво, обещанное
колонизатором,
чудо.
Во, даже чудо...
Другие служили
как псы на охоте.
Третьи любили деньги,
лучше б уж водку...
А многие стали
вряд и в отряды,
и пошли смелостью
по колонии
жарить
подонков своих же
по крови,

но оторванных кровью
от народа
и ставших колонизаторами.
А кто и завхозом
по хозам и возам,
что везли крам за рубеж,
опустошая страну.
Мир,
а правда-то есть?!
Или только болтать?
Но мы не так глупы,
мы образованы,
и здесь уже не гваделупы...
Колония затрещала
по швам...
Открыла весь срам...
Открылся позор невидимый
многим и доселе
плачущим по колонии...

02.02.2014

А каковы-то причины?
Причин, может, просто нет,
но следствие-то было,
и слышен был
звон монет.
Может, на гроб бросали
мелочь
для утешенья души.
А что за привычка
такая?
Ну, это народное, считай,
как поверие...
Лучше б при жизни
в дом
заходили да не с ружьём,
а с улыбкою на лице,
и с любовью...
При подлеце
это никак не возможно,
ружьё он возьмёт
всё равно
и больно или не больно,
но всадит картечь.
В кино я не раз видел —
трупы ложились
как дрова,
штабелями.
Вот курва,
что же за жизнь пошла?!
А мир, наедая щёки,
толстел,
в карманы монеты пихая,
и плевать ему на всех и на вся!
Да!
Наверное, это причина.
Без причины никак нельзя.

И горящая автомашина
страхом для них
полна.

И в отместку втыкая шило,
а чаще заточку, нож,
мстят ретиво
за свою слабость, злость...

Да!

Это тоже причина.

И президент сказал
после выстрела
не мимо,
когда Рейган покойный
упал...

Выдержал всё до грамма,
хоть и головой занемог,
но страна их стояла,
как в Сан-Франциско мост...

Да!

И то была причина,
когда оборвались мозги
в наших мужчинах
и плыли они в крови,
не гнушаясь
и не стесняясь,
страхом своим делясь,

а, скорее, изгоняя
тот животный страх...

И падали люди наземь,
так повелось давно:
плохо чуть кому-то
надо

топором или кайлом
другого по затылку,
и сзади, из-за угла.

А потом, выпив водки
бутылку,
плакать, что
ушла очередная жена.
А у меня тоже причины —
не хотят женщины без меня,
и я стараюсь
не пугать их
по ментовски
и не искать рожна,
а молча стихи читаю
смотря в лунную ночь,
или под дождём ожидаю,
чтобы потом уйти прочь.
Иногда навсегда...
О чём жалею всегда.
Но то следствие от
меня.
А причина во мне.
Игла,
что не даёт покоя,
и я постоянно ищу
то слово, то строчку
до боли,
чтоб показать лицо
нелюдское
ему, подлецу.
А, может, другие слова
и строчки другие тоже,
чтобы Богу воздать
за все Его за меня
тревоги.
И я, как когда-то дитя,
боящееся леса,
иду, листьями шурша
под первым белым снегом.

И, не вдаваясь вглубь,
понять причины,
а следствие,
как паук,
мозг всё равно
затягивает паутиной...
По ней как по проводам
мысли бегут упрямо,
и придётся искать до конца
причину,
причины.

02.02.2014

Тающие снега весною.
Сначала — снежная масса
с водою,
затем ручейки вниз,
прощаясь с горою
соединяются в большие
и уже в низины
рекою бурлящей
на луга, болота...
Просыпаюсь утром
и в первых лучах солнца
апрельского
я вижу вместо лугов
с кустами лозы
озеро...
И небо в нём отражается
ясное,
потом вдруг ненастное...
Заливные луга.
Всё вмещается.
А что нет —
бежит дальше
в поисках еще
более низких низин.
Вот так и жизнь...
Секунды,
минуты,
часы,
дни,
недели,
месяцы,
годы
не надоели...

И, вдруг, десятилетия
грозною цифрой,
а душа в секундах
осталась
и быстро
считает возможность
оставшихся...
О, ты дар Божий,
жизнь,
да ещё если удавшаяся...
А что значит удавшаяся?
Удалось
или нет.
Кто даст ответ?
Только каждый себе.
Несчастливых жизней
просто нет.
И не бывает.
Даже если
короткие годы,
или беды тебя обступают...
Ты не греши.
А надейся,
проси,
и Бог украсит
мигом коротким,
когда ты почувствуешь
душою звёзды,
когда ты услышишь
запах Луны
и ветер от звёзд
по лицу...
Ты, Боже, меня прости!
Я от Тебя и к Тебе,
если можно.
Если можешь, прости...

И забудь все грехи
мои-не мои,
а людей всех Земли...
Кто мы без Тебя?
И куда?
И когда?
Тает снег на холмах
гретый солнцем опять,
и всё повторяется...
Но не вспять, не назад,
а только вперёд.
Удавшийся взлёт
и удавшийся миг —
твоя, друг мой, жизнь.
Дар Божий бесценный.
А политик — вредный
и временный.
Он часто фронты называет
и призывает
встать туда во фрунт,
а сам сзади
топчется
и выжидает...
Таков мир
сегодня,
вчера.
А ты не будь таким.
Пусть политик сам,
один на один,
или партия с партией,
и на виду.
Но они боятся всего,
особенно света,
и любят лишь
грязную мзду...

Снег с холмов
на равнины,
низины
талой водой,
и аисты, первыми,
на заливных лугах.
Видели?
Если нет —
жизнь не удалась.
Но есть ещё шанс
и миг тот
для каждого.
Только уйди
от суеты
и политпросвета
всегда продажного...

02.02.2014

Байда с байдою
байдою кроют
ту байду,
что ещё на воле,
а потом
байда с байдою
попадут в неволю.
Их сдает байда,
котора на воле,
за то, что
байда с байдою
рыли ей втихаря неволю.
Байда в неволе
как на воле.
Там нет бандитов
типа воли,
что ночью бьют
байдою и от байды
всех, кто по воле
под руки байдосворы.
Горячие их руки тоже
как головы байды
похожи,
одна другой не краше.
Байда байду
всегда подкрасит
и подрисует, блин, кастетом
кастет-байда.
Стилет-байда
против байды
в руках бандита от байды
или мента.
И их ряды —
ряды байды
от верхоты,

где сам байда
и помы, замы —
байды байдами
с чемоданом, а в нём —
лишь кеш байде наверх
за должность для байды
в которой ниже стол
и ниже стул.
И сам погон — тоже байда.
На нём различия:
что да, байда.
Но ниже-выше
можно понять
только по крыше,
где байда шуршит
как мыша
и кроет их байдой
за кеш...
Байда с байдою —
пистолет,
что тоже есть байда,
и грех своим же не помочь
байдам, что падают
уж прочь
за ту байду,
что всем байда.
Я не пойду байдой туда,
где лишь один большой байда,
я не пойду байдой туда
где их стоит толпа —
все те байды
мне до трыдны...

P.S. У меня есть приятельница. Она полковник Генпрокуратуры Украины и подпорка режима, жутко не воспринимающая революцию, Майдан. Я спросил её шулки ради: “А ты утром пойдешь на Майдан?” Она резко ответила: “Зачем мне эта байда? У меня своя байда.” Что это значит, я не понял, но попробовал разобраться при помощи стиха.

02.02.2014

“Перед Богом все равны! “ —
пацаны горланят,
гонят люд.
Роят дорогу
для главкома,
аккурат
мимо Междунорья,
на Кончу.
Там живут три гея,
бывших, важных.
И что главкому с ними?
Они же оральные,
пассивны.
Всё только языки.
Но гонят трассу мужики
с антимайдана —
“титушки”,
менты
и прокуроры.
И судьи тоже роют.
Во стройка века на стране!
Куда там БАМу,
что в стороне,
и опоздал с ним Вовка ПутинЪ —
все деньги в Сочи,
в Олимпиаду, бухнул...
А там ещё и воровала
свита.
Вова кричал,
а лучше б битой
иль кистенём
кого-нибудь.
Но всех простил,
кроме как люд.
А геи те, плебеи
бывшие, взошли
в аристократы наши.
Хи-хи-хи...

Смешно от чучел
с языками,
и плещут там,
народ в оргазме,
и верят бабы, мужики.
Не верю я.
Небо, прости...
За преступленья
к человечности,
убийства, пытки —
не до вечности.
А прямо путь в Гаагу —
военный трибунал
всем сразу...
А наш премьер Бездаров
поехал в Вену
даром, за счет страны,
и с миллиардом,
а из бизнесов ему
ещё и капает отсюда.
Но прячется паскуда —
боится геев,
сам кричал.
А трибунал уже от
одного отстал.
А к кому вообще
пристал?
А миром торбы носят
люди.
В них чуть еды
и словоблудья —
специальные абзацы
книг
больших, тяжелых.
Прыг, прыг!
Ребёнок возле мамы.

А мама книжку
на голову себе
вместо панамы,
а сыну — грудь.
Там молока ещё чуть-чуть.
От бабушки.
И внук хоть что-то ест...
А миром — банки, банки.
В них деньги.
Не ленись и хапай.
Пивные,
пепси-колы
и другая ерунда
из алюминия —
собрал, сдал и есть еда...
Какая хоть.
А тут война.
И там война.
От Сомали до Перуна,
что давний бог.
везде залёг народ
и чистит пушки
перед боем...
Ох, эти пушки!
Так тревожно...
А если их в металлолом?
О денег будет!
Но падлом потом
тебя назовут
и трибунал военный
тут как тут.
И к стенке.
И капут...
И так капут.
Ты посмотри
на океан воды,

что грязная стоит
по миру.
И пить её нельзя.
Кумирам возят с ледников.
Но то обман.
Помрут всё равно
потом,
что бы не пили
и не ели...
Офонарели,
осатанели
до того как поседели?
Или опосля?
Или-или...
Да пошла, пошла
первая атака в лоб!
И падают менты на хвост,
который там, в штанах,
у них,
упругий,
длинный.
Ой, болит!
И служба-пресс
уже кричит:
— Бандиты ранят наших!
А то просто хвосты
лишь...
Корабль по морю,
белый.
На ём — лигатор.
— Ты умело,
ты умело говори:
“Олигарх”.
И не криви слова,
сынок, с листовки.

— Папа!
Зубы выбили в ментовке,
вот и крою
как попало.
...Землю роют,
и немало
той дороги в Заспу-Кончу.
Там конец всему.
И солнцу тяжело
на них светить.
Но светит, бедное...
А если крышей
их накрыть?
Всю Заспу-Кончу
в шифер?
Ить...
А Европа принимает
и власть бегущую от нас,
и оппозиционеров,
что попали в пасть
власти
и бежали по Венам и Парижам.
Это опасно...
А, вдруг, начнут борьбу
и там
за деньги,
за страну
и тарарам?
Майданы, митинги...
Кошмар!
Горят покрышки
в Вене третий день,
и жар
по городу, и дым.

То Поживанов,
Юлькин депутат,
премьера Базарова
пытается душисть...
И так пойдёт
по всему миру —
наши бывшие
восстанут друг на друга.
Диво!
Майдан, антимайдан
из немцев и французов,
и платные все хорошо,
и блудят бандиты “титушки”
по городам.
Воруют люд.
Богатый он сегодня там.
Горят машины,
и полиция на службе
наших,
и суд, и прокуроры
под дудку их там пляшут...
Как страшно стало вдруг.
Может, пронесёт их?
А, если, вдруг?..

03.02.2014

Я торопливо,
нервной рукою,
калитку закрываю —
на кладбище вход
на перекрестке дорог.
Калитка эта всегда
открыта.
Так требует народная
молва.
Или обряд церковный
лихо
оставил калитку открытой,
хорошо еще,
что не ворота.
Я закрыл и ушёл быстрее,
как пацан или хулиган,
чтобы не заметил
кто-нибудь мою проделку,
и не говорил обо мне:
дитё неразумное, мальчуган...
Но я так хочу закрыть
туда вход,
не для посещения мертвых,
а чтоб
остановить череду ухода
других мёртвых
на кладбища
без обратного хода...
Смерть мне кажется
не такой уж и умной,
гонит болезни
и движет года,
случаи всякие неподобные,
пожары, убийства...
Эх, ерунда!

Мне бы остановить
движение
в ворота кладбищенские
хоть на миг,
и я бы выдержал сражение
со смертью
людей мне даже чужих...
А победить собою
свой час её прихода
и обмануть
или выскочить
в дверь запасную
и запрятаться в лесу диком,
и петь от счастья
напропалую,
или в цветах с травой
укрыться,
а сверху дождём,
ливнем
накрыться
и забыться, забыться, забыться....
Но на следующий
день
тихо подошёл я к кладбищу,
а там тень
от гроба мне под ноги,
и открытые ворота,
и священник, и певчие,
и небес высота,
и слёзы мои горячие,
и пыль дороги
в ветрах...
Мальчишкой остался я,
мальчиком,
мечтая о недоступном нам.

Смерть победить
возможно лишь Богу.
И не здесь,
а далеко где-то там...
И льются горячие слёзы
нежеланья прощаться
с землей.
Я так полюбил её
сердцем всем,
и что мне тот
вечный покой...

03.02.2014

Бессарабка живёт своей
жизнью.
Перекресток дорог и путей.
Шум автомобильных шин
и запах бензиновых паров.
Отсюда начинается Крещатик,
а там и известный
всему миру Майдан.
Ещё недавно об Украине
не знало большинство
стран.
Но пришёл первый Майдан...
Сегодня второй,
суровый,
где танцы — лишь камня
свист
и дубинок ментовских,
ружей
и гранат.
Во бес, блин...
Мир аплодирует стоя,
не весь, безусловно
нет.
Есть зависть и страх
мерзкий:
а, вдруг, такое у нас...
И правители мира
квакают
о мирном пути войны,
которую развязали власти,
а теперь просят народ:
сиди,
тихо и незаметно,
жди рая посреди огня,

который изрыгают
пасти
одуревших силовиков.
О, ментня!
И словоблуд блудит,
руки в штанах храня.
И те руки тоже блудят
в своих срамных местах...
Народ уставший
от злости диктаторской,
от веры в деньги,
от счастья в пьянстве.
А на пьедестале,
где стоял Ленин
на перекрестке дорог
на Бессарабке
киевской,
новый понт:
стоит унитаз из золота
как символ
эпохи мелочности и зол.
И лестница,
подарок с Харькова
от власти местной,
чтобы к нему
дотронуться губами
и тупым лбом.
И очередь, очередь, очередь.
Народ простой —
никак...
Только власть
на лестнице
с регионов

долбает друг другу
головы,
руки топчут,
плачут
и унитаз золотой целуют,
цветы к пьедесталу
кладут.
А коммунисты с венками,
флагами
и руками
не мытыми уже давно.
Время военное,
революционное,
и проблемы с едой,
приходится рыться
в мусорниках
и кормить компартию
страны.
А чей?
Унитазу золотому кланяются
в груди Ленина храня,
и гимн Советского Союза
тихо поют,
в страхе перед новым идолом
колени склоня...
А в Харькове власти
фронт создали,
копируют революцию огня.
Слабозгие
копируют дух сильных,
а в душах —
унитаз золотой
как символ эпохи мелочности и злости

и шабашей чертячьих
омытых человеческой кровью...
Терпения,
веры в Бога,
и счастья тебе, страна!

03.02.2014

Горечь оторванных бед,
горечь от пиров
после побед.
Горечь, уходящая в нет
под музыку маршей
и затерянный след...
Мне не найти больше
покоя.
На конце Земли лишь
может двое
найдётся здесь счастливых
в этот миг.
И только дети,
их смех и даже плач и крик...
Горечь отошедших
дней,
где было вроде пестрей.
А здесь только цвета
два:
черный и белый.
Я с грустью провожаю
солнце,
оно садится
в розово-золотом
оконце
и радуюсь ночи,
где я свободен буду...
Палачи спят
в пьяном блудливом
сне,
и их храп по
стране,
как лай собак
на селе,
не раздражает,
а умиляет.

Романтика
в снах,
когда спит палач...
Я отдаюсь жизни
в ночи.
Я иду городом,
где фонари
блеклый бросают свет,
жёлтый.
Вот наконец
я дождался его,
а то чёрный и белый.
Всего
передумано в этих
ночах,
не перевезти ни на чём
и никак.
Это груз жизни
втроём:
я, время моё
и жизни абсурда кино...
По следам моим
уже не вам ходить,
те, кто сзади,
подрастают,
и во всю прыть
хотят обогнать кого-то.
— Стой! —
кричу им. —
Охота вам попасть
в такие же мешки
из камня
и неудержимой тоски?!

Горечь от всего,
что сейчас,
и только звёзд ночных
вальс
от головокружений
в моей голове,
и дети,
дети все на Земле...
Победитель упал
с коня
белого, белого.
На параде возня.
Чёрный мундир
порван и в пыль
превратился.
В утиль, в мусор
его!
Да не победителя,
а мундир!
Чего да чего?
Не горе здесь,
не беда.
Он новый оденет,
но пистолет
всё равно
у его виска...
Кто спустит курок,
он или кто-то?
Здесь время лишь,
и его горечь,
и горечь других,
кто с ним рвал
всем жизнь
собой упиваясь.

— Не чаем, не чаем
любви в нём! —
кричат
крохи людей,
и их мутный взгляд
почему-то косой
и под ноги себе.
А что в голове,
в голове?!
Пир после побед...
Одному — серебряный
кубок,
а другому в отмест —
тюрьма...
Пир и чума.
Брат и сестра.
Без них — никуда.
Два близнеца.
Такая судьба
на Земле здесь пока.
Пока не
отрубится злая
и глупая
последняя голова...
Я не судья.
Я не петля.
Я не меч.
Я не топор.
Я не ствол.
Я не прокурор.
Я не победитель.
Я лишь солдат,
который
недавно только вышел,

и мой неравный
бой
там, впереди,
за той стеной
из страха,
где герой
весь в чёрном
с головой
больной...

05.02.2014

Февраль
как остров
между зимой и весной.
И мне не просто
на нём со своею судьбой.
В неё не верю я,
а она теснит
и шепчет:
— Я твоя.
Извинись за те слова,
что мне бросаешь ты
часто со зла.
А день переливается
солнцем
через край
как переполненный бокал
и лучи стекают
ручьями по Земле.
Снег тает,
а ночью на дворе
опять мороз...
И остров февраля
без роз.
А судьба всё теснит
и шепчет:
— Я люблю тебя
и ты мой,
доверчив.
Ты же добрый, как эти
лучи
от солнца теплые,
и не ищи
другой судьбы...

Я то знаю мысли твои,
ты часто, срываясь,
по миру бежишь,
а счастье рядом,
только поверь.
И всё, что даром —
то лишь для потерь,
а что в страданиях
и в боли дней — это
всё выше
тех мелких потерь.
И я сдаюсь вдруг
улыбкой свету,
и я сдаюсь ей,
и уже верю в ту,
одну, что для меня,
и её радость
в свете дня...

05.02.2014

В грязной пещере
вдали от цивилизации
валяется племя
дикарей,
немытых, худых,
и запах от них...
Стон стариков,
всхлипы детей —
у них нет сил кричать.
Вождь похудел,
ещё больше народ.
Одежда сопрела, порвалась,
и тела прикрыты
ветками, листьями,
но уже никому
ни за что не стыдно.
Все просят пищи,
мечтая о мясе
диких животных
и плодах на деревьях.
Но они
не могут,
не хотят,
не желают
выйти из пещеры
и здесь умирают.
Так, отдавая жизни
вождю,
опустилась страна.
Дежавю.
А может быть сон?
Страшный, кошмарный.

Но я это видел
своими глазами
когда-то давно
и не раз
за эпоху...
Народ разбрёлся,
даже в охотку,
оставив дома для вождя.
Жили с природы
и, вроде, неплохо,
но уходили
из мира
понемногу
люди постарше,
мудрецы,
а подмогу растущим
умом и чуть знаний
давали лишь дикие звери...
Книги исчезли.
Издательства книжные
отдали по людям.
Государство умыло от них
и так свои
“чистые” руки.
Магазины, где книги
продавались годами,
отдали властимущим
под офисы
и магазины
модной одежды...
Книги исчезли.
Писатели тихо всё
проглотили
и горькую пили...

Кто-то писал,
но их мало,
и книги не шли по стране.
Люди
знаний, образования
не получали
и постепенно дичали...
А вождь и его
приближённые
счастливо лежали
на пире,
на пирах,
в постелях,
плодились
и множились
новым народом,
но уже без книг —
монстром-уродом.
И главным их
развлечением
было враньё.
Они ввали всем
и про всё...
Многие страны
стали на путь
великих вождей,
что правили тут,
и тоже уничтожили
рынок всех книг...
Остальные рынки
постепенно тоже упали.

Люди уходили
в дебри державы,
селились в недоступных
местах,
а там деградировали,
как и у нас...
Книги...

05.02.2014

Мальчик.
Улица.
Ранняя весна.
Остатки снега и вода.
Гроб несут
с молодым
ещё мужчиной.
Мальчик знал его
и видел...
Тишина
взрывается
слезами, криком,
музыкою маршей.
Душу щиплет,
может быть, кому-то,
но ребёнку рвёт
на части.
Он из школы вышел,
а здесь — несчастье...
И с процессией
похоронной,
узкой улицей,
до дома...
Он стал другим
за миг на этой дороге.
Страх...
Первый и огромный...
А в доме снова
как всегда.
Тишина.
И он один
мечется как дикий зверь,
утративший своих...
А страх пронзает
тело
и думать он уже
ни о чём не может...

Справа, слева,
пляшут тени,
и гроб
то в комнату,
то в сени.
Страх...
Его нести всю жизнь.
И с ним бороться
за свою же
в сломе жизнь,
и осознать причину
поздно так...
Уже мужчина, и в годах,
но помнит ту он смерть
сейчас.
Страх.
Его истоки.
Теперь бороться легче
с ним, жестоким.
В душе остался
таким же,
как когда-то в школе,
и жизнь ещё
пойдёт по воле
Господней
без страха жуткого —
он уйдёт теперь обратно
по тому же пути,
но время
час его умерит, сократит...

06.02.2014

Идёт идиот.
Идёт дождь.
Идёт снег.
Слышен сленг.
Идёт бандит.
Идёт мент.
Идёт прокурор.
Идёт судья.
Идёт политик.
Идёт свинья.
Иду я.
— Можно огонька?
Сигарета в лицо.
Удар подлецов.
С мыслями из головы
уходит кровь.
Не остановить.
Идёт врач.
— Деньги внач...
Вначале!
Я не заикаюсь —
я кончаюсь.
— Но вы же врач!
А как Гиппократ?
Тугая повязка
и синий бант...
Идёт “прораб”.
Идёт квадрат
бойцов
с антимайдана —
и чё?
Идет фронт...
Сине-коричнево-жёлтый
ниже штанов,
особенно сзади.

Харьков проголосовал
с георгиевскими лентами
на маскараде.
А зачем фронт?
У них же власть!
Открой зонт,
а то выбьет ещё и глаз.
Мир в ступоре.
Я не о перемирье,
я о шаре земном
и диве,
что он ещё вертится...
Идёт проститутка.
Идёт музыкант.
Идёт амбал.
Обвал.
Изнасилование —
куда там Вradiевке! —
и в завал
шахты имени...
Идёт Ленин.
Идёт Сталин.
Идёт Рузвельт.
Идёт Гагарин.
Идёт Черчиль.
Идёт Хрущев.
Идёт Де Голь.
Идёт бабушка
и продаёт алкоголь.
На этиловом спирту
водка “русская”.
Хохочу.
хоть и в бинтах.
Идёт революция.
Идёт война.

Идёт наводнение
на Британские острова...
Идёт кризис.
Идёт Олимпиада.
Белая, сочинская,
а мне туда не надо.
Я против
глупых
расходов денег.
Идёт СПИД.
Идёт туберкулёз.
Идёт вирус.
Идёт завхоз
и краску несёт
красить места, где
стояли ещё вчера
памятники Ленину.
— Ура! —
кричит Сталин.
— Ты, Ильич,
вышел недаром.
Это же твои
ученики,
твой исторический материализм!
— Байстрюки! —
говорит Ленин.
— Идиоты и дебилы!
Не свалить временем
да и силой
мирные акции
попактива!
Черчилль плачет всё
о Британии.
Рузвельт пишет и пишет
о здании,
которое он строил
и которое стареет.

Мысли новые
тупеют...
Фидель Кастро
поможет Штатам,
как Штаты нам.
Поможет Вьетнам
всем подряд.
Особенно российскому
истеблишменту.
Научит их есть
лягушат,
червяков,
блох,
жуков,
гусениц,
мух,
комаров.
Китай научит их докторов
лечить последствия
экзотической кухни,
будь здоров!
И синий, синий цвет,
как иней,
и красный тоже, но
мордастый.
И тот фронт из трёх цветов
ниже пояса,
ниже трусов или трусов...
А ночь тёмная, тёмная.
и видно как ползёт
большой хамелеон...

06.02.2014

Я отворачиваюсь от событий,
закрываю уши,
чтобы ничего не слышать,
закрываю глаза,
чтобы ничего не видеть
и одеваю противогаз,
не потому что
гранаты, газ,
а чтобы
меня не узнал спецназ
и не взял нараз.
Я часть народа,
большая часть,
я безразличен к жизни
во лжи
и приказ выполняю
любой.
Хотите: в полицию,
и чтобы в бой!
Чтоб они, безоружные,
а я с пулемётом.
Я расстреливать могу
хоть до ночи...
А потом поест, выпить,
и в кровать.
Бабу мять.
Встать!
Ревтрибунал!
Опять?..
Да, вашу мать!
Грузите министров,
парламент
и прочую гадость

в товарные вагоны
спецпоездов
и на Колыму...
Вы хотели в Россию?
Выходи по одному,
и будь здоров!
А жены ваши и дети,
как декабристки когда-то,
за вами,
счетом своим,
пусть едут сами.
Олигархов грузите
без разбору,
бывших презов, примеров.
— Да их горы,
товарищ начальник!
— Ничего!
Вагоны конфискуем,
их хватит.
Грузите компартию всю,
грузите попу,
грузите эту часть
народа, что
деградировала
и себе на уме...
Уроды!
А страху то, страху!
Свобода, братцы!
Грузите ментов
и всех силовиков,
не забудьте фемиду!
— Есть, товарищ нарком!
Я вижу
ещё что-то.

Жены богатых
и правителей,
как у декабристов,
за ними следом
бегут в Европу
полуодеты...
— Да мы так и хотели!
Пусть несут туда
своё семья.
Нам нужна мировая
революция.
— А вы не Ленин,
товарищ нарком?
— Да нет!
Я правый сектор,
афганец
и просто взорвавшийся народ.
А тех, что отвернулись от
событий,
засуньте в товарняки
поглубже,
они все равно
слепые, глухие,
и головы их свернуты в бок.
О, народ...

07.02.2014

Вековая отсталость.
Многовековая усталость.
Вечность войны...
И так мало человек
в народе осталось.
За кусок хлеба —
потом и кровью.
Каннибализм в двадцатом
столетии,
когда массовый голод...
Детских могил
и абортотходов...
Алкоголь и мутизм,
мутации годы
в мутном сознании
голода, холода.
И Чернобыль один
в мире без Бога.
И страна как та зона
в Чернобыле
тоже.
Мертвые сёла.
И города —
всё бетон
серостью, сыростью
и ободранностью стен
беспощадны...
Поросль взошла из
могил за века,
из них проросла
человеков та часть
что ушла.
А вокруг правды нет!

Правды нет покамест,
что в семье,
что по миру,
что в быту,
что в политике...
Правды!
Смены!
Перемены!
От Совдепии
до свободы
шаг один бы вроде,
но через кровь,
кладбища
и неволю...
Барабан бьёт вновь
марши древние,
как когда-то Сечь.
А блатейные
гонят полк вперёд
псов откормленных
на худой народ,
чтоб невольнику...
Быть.
Служить.
С хомутом на шее
лишь бы выжить бишь.
Не не для того
в землю лёг народ,
чтобы поросль дать
навсегда.
Помни ты, урод!
Помни ты страна,
что позором над дорогой
как девка с бардака
да ещё пьяна,

да ещё больна,
и умом на нет
за сто лет сошла.
Эх вы, дети!
Юность века!
Вы надежда человека.
Вы судьба
страны другой —
вымытой
и дорогой
каждому,
кто здесь герой...
Под серым небом
вот-вот вечер,
и летят над городом
без просвета
вороны сплошным
поток.
Это не стая.
Это что-то...
редкое такое.
Но вернуться
падаль жрать
рать чиновничью опять
и откормленных
и сытых
от народа
в стаю тоже сбитых
страшных подлецов.

08.02.2014

Не ищи ту старую реку,
как бы ни было
в ней хорошо тогда.
Она ушла...
Она давно не та...
И берега её,
скорей всего, другие.
Их застроили
домами,
заточили в бетонно-железные
заборы
или заболотили,
засорили,
может, даже убили...
Иди по той реке:
которая
недалеко теперь
и видишь ты её
с холма.
Это твоя река.
Полюбишь ты её,
а, может, нет...
А, может, да,
как ту, которую
ты помнишь,
где твоя и её
любовь выходила
из берегов
и заливали луг
бескрайний
чистой и тёплой водой.
А, может, так казалось...
Вода,
луга оставив,
вернулась в русло,

и тогда ты,
успокоив страсть,
пошёл искать другую...
Прошли года.
И хочется опять туда.
А та река
могла давно уж
русло изменить,
уйти в другую
сторону
или тебя забыть,
заилиться
и зарости травой,
осокой, камышом,
густым кустарником
верб и лоз...
А ты всё бередишь
себя,
а иногда, до слёз,
и сердце рвёшь...
Так человек живёт.
Почти всегда.
Теряет и бросает то, что
нужно бы хранить,
теряет разум, мудрость
и при этом
пытается других учить...
Река.
Где ты
сегодня?
Не знаю я.
Искать тебя уже не буду,
но и забыть...
Нет!
Не забуду.

Пойду в свою реку
с высокого холма
и окунусь в неё
до дна,
и вынырну опять.
Но знаю — память
будет ту, из прошлого,
реку
искать, искать...
Покоя мне не знать...

08.02.2014

А нужен ли мне
покой?
Мягкий диван.
Ой-ой!
И кресла удобные
для лежбы.
Ковры,
шторы,
комода,
шкафы,
телевизоры,
телефоны,
музыкальные центры,
посуда
и утварь на кухне,
кастрюли, сковородки,
комбайн,
мясорубка,
соковыжималка,
миксер,
весы,
калькулятор,
поваренные книги,
массажёр
и вентилятор,
кондиционер,
холодильник,
еда.
Еды много всегда.
Рыба,
мясо,
колбасы,
консервы,
икра,
конфеты,

фрукты,
овощи,
кофе,
чай,
печенье,
выпечка,
хлеб,
сухари,
мед,
грибы.
Дальше одежды
шкафы и комоды.
Часы швейцарские
и всё, что в моде.
Убирать это нужно
часто и быстро,
и чтоб цветы
на столах
и всё чисто.
А, вдруг, паутина
с пауками,
моль,
тараканы,
клопы,
мухи,
жуки
и всё кусает, грызёт
и не спит —
жрёт богатство,
на глазах превращая
всё в пыль...
А, вдруг, мыши?
Брр-рр...
И это покой
по-мирскому?

Да ещё телефоны
звонят.
И знакомые,
и вести хорошие
с заводов,
полей,
от власти,
оппозиции,
революции
и войн, где
побеждает не тот,
кто сильнее.
Вот это покой!
Мечта не поэта —
это мечта
несчастливого в мире
и так человека.
Это мечта буржуа...
А мне — лес и вода,
и дети, и женщина,
и книги,
и бумага,
и ручки.
А мне, чтобы
все были счастливы
в мире,
а покой пусть
только в кошмарных
снах
мне приснится...

08.02.2014

Рейтинг политика...
Он не говорит никогда
о том, что на сердце его.
А Сатана хитёр и коварен.
Полки его могучие
и обучены.
Они играют на тонких
струнах политика
как-то:
самолюбие,
гордыня,
страсть,
безумие,
одержимость
и усиливая эти качества
и делая политика хитрым,
а внешне он
добр, красив,
респектабелен,
но уже во власти Сатаны,
и получил
его хитрость и коварство
в дар.
Политик говорит
о том, что хочет
слышать народ
и бальзамом на душу
изливает свои речи.
Люди уже не видят,
что там за фасадом
его,
а тихо радуясь,
пуская слезу от счастья,
влюбляясь в это чудо,
приседают и стенают:

— Мессия!
Спаситель!
А Бог, если и был у кого-то
в душе,
уходит на второй план.
Вот он или она — бог,
а внутри — Сатана.
Волна любви
и рейтинг вверх,
а куда ведёт
этот уже не человек
и что он строит
не навек?!
Воздушных замков
цепь...
И речь его,
и взгляд
толпу взрывают
как снаряд,
и разум у толпы поник,
а рейтинг поднялся ввысь.
И всем хомут.
А тот, кто видит
всё насквозь,
тому закроют рот,
его закроют в ДОПР,
или отправят к праотцам...
Рейтинг...
Ложь...
— Брысь! — крестится
мудрый старик...

09.02.2014

Всю ночь туман,
к утру ещё погуще.
Света белого
не видно.
Лучше бы рассеялся,
ушёл.
Но воли нашей мало.
Нагишом,
как призраки дома,
вроде бы как пляшут
у моего окна
то ближе, то удаляясь.
Туман движением своим
всё преломляет,
искажает.
А служба безопасности
взорвалась
информацией,
мол, им удалось
узнать об акте терроризма
в Украине,
или об актах...
Герои, героини,
разведчики,
что ныне
их так и назвать нельзя,
сидят в компьютере,
шпионов ловят.
Узнать узнали,
но никого не задержали,
а обывателя
вусмерть запугали —

он и так от революции
сифонит
недобрым запахом
в своем дому
и гонит страх в страну...
А что разведка?
Сочиняет антиплан
пугать майдан.
Но пугаются при власти
и всё тот же обыватель.
Едрёна вошь, вогнать
народу столько в страх!
А террористов не видать.
А может не было их, блядь?
Бандиты трусятя и власть.
Дрожит Европа, мир.
Дрожит Герцеговина, Босния...
Там тигр-народ поднялся
во весь рост
и показал народу
нашему его облезлый хвост...
За три дня революции
бегом
сорвали власть,
их унитаз,
сортир сожгли
и газ закрыли для ментов,
“титушек” тамошних
на кол
и в ров...
А наши спорят в штабе,
спорят.
Дым махорки гонят, гонят.

Матросня спивается
“У Гали”.
Юнкера страхались
в борделе,
а оппозиция, поддержана
всем миром,
легла поспать
под ревкомом...
Лихо отряды самообороны
проходят муштру,
и телевизоры
мусолят старые штаны
и сушат сухари
кому-то.
— Круто! —
олигархи говорят,
и гонят бабки в Запад взад...
Там хоть и пахнет то
не ах,
но надёжный не один
там банк.
А к вечеру — дожди,
весенние, пошли,
хоть лишь февраль
мотает календарь.
Но что февраль?
Уже десятый день
как снят
с земли.
Осталось мало.
Февраль короткие,
и жди весны,
а там — цветущие луга
и девки молодые подрастают —

олигарх,
бандит,
мент,
власть,
разведчик —
всё для тебя...
И вся страна...

10.02.2014

Морщины пашут лицо
и глаза в отдельные клумбы,
борозда с бороздой легли
мелкие,
а где и поглубже.
И, бывает, глаза тускнеют,
выгорают от солнца
что ли?
А, бывает, ещё больше
светлеют
и спорят о равенстве
с солнцем.
С них
лучи,
искры
и пламень,
с них огонь с дали
дальней,
с них тоска превращённая
в радость
лет седых, что как сладость
ложится на слух молодых.
И бежит, и бежит горою
ветер сильный,
полируя скалы.
Пламень
солнца и лета пламень,
пламень глаз твоих
согревает,
не ранит.
Пламень глаз твоих
из морщин-дорог,
что легли на огромный лоб
и по щекам
бороздами.

Вулкан стихов,
извергаясь магмой,
ложится на белый
лист бумажный,
а лист как скалы
гранитной камень,
оторвавшийся не случайно.
Я читаю, читаю
и пью
родниковую воду твою
с гор стекающую
в долину,
откуда и я вышел.
Имя своё
оставил здесь.
А сам в горы,
в тот далёкий
духовный просвет,
где Господний покров
одаряет меня
словами.
Я ищу те слова
как мальчик ищет маму,
хватаясь взглядом
за любую фигуру.
В свете солнца,
в блеске пламени
даль,
до которой ещё дойти.
И преград уже нет
на пути.
Бог открыл дороги
любые
за те борозды по лицу
и по сердцу,
что пропаханы
годами мучительными.

Но пришли годы
созидательные
и упоительные.
Долина осталась внизу.
И долина та полна
жизни дней.
Хоть там было всё,
но пустым
не был день.
Всё стремился я
кем-то в жизни стать...
Стал искателем
я лишь слов.
И пришлось уйти
из своих садов,
и пришлось уйти
от родных, детей,
позабыть мне ложь
и подняться вверх,
в горы те, как мираж.
Но я рискнул,
пошёл
на сплошной вираж,
где наградой не ордена,
а слова...

10.02.2014

Падают мысли
оторваны, цельные.
Падают фразы
и слова отдельные
как в пропасть куда-то.
Но не навсегда.
Потом возвращаются,
но не все,
а когда что-то уж
важно, больно и страшно
и нужно обдумать,
взвесить.
Опасность.
И они как рыбы-пираньи
снова во мне —
жестокие.
Главное,
что жрут изнутри,
а потом исчезают,
лишь страх остаётся...
Голова вновь полна
новыми мыслями.
Откуда приходят?
Куда уходят?
Слышно лишь гулкое
их падение
как в пропасть,
на дно.
Где и что они делают?
А сколько приходится
взвешивать,
сравнивать,
пытаться выбрать из них
самые главные —

разум, как ускоритель
тот ядерный,
где физики бьются
над тайною мироздания,
до боли, до крика,
надрыва душевного,
но часто ошибки
не избежать.
Как мне идти?
Только лишь сердцем,
душой
и под Богом.
Иначе сорвусь,
и грохот будет великий.
Сколько здесь тайн!
Безликий,
неяркий,
но тоже красивый
в сумерках вечера
угол, где видно
лишь одно дерево
да пару кустов
и горы окурков
тех знатоков,
что часами стояли
и думали верно,
но отошли и
ошиблись, наверное,
в новом выборе
пути бытия
и дальнейшего хода
к счастью.
Казалось,
вот оно, рядом,
рукой дотянись!

Оказалось — змеиная пасть.
Укус.
Кровотечение.
И вечный вопрос:
быть или нет?
Ведь жизнь на волоске,
покамест
врач-спаситель подоспеет
и больница.
Как здесь всё шатко.
Как не продешевиться?
Но продешевишься,
продашься за грош,
если мысли такие,
и ты с ними вхож
в двери открытые,
где хлеб задарма.
Пропадешь в этих
мыслях,
и лишь кто-то из жалости
палку воткнёт
в яму, где ты
сам сдуру лёг.
А мысли
куражатся,
рвутся,
стремятся.
А мысли врываются
снова живые
и вертят тобою,
как ветер листвою,
и ты поддаёшься течению их.
Откуда?
Какие?
И цель их,
и пользы от них...

Вдруг, озарение:
да я их осилю!
Отсортирую,
и те, что без силы,
без смысла,
ничто, —
в пропасть брошу,
на дно...
Но рано иль поздно
сдаёшься на милость,
и снова волною
несёшься счастливый,
а силы,
что подняли тебя
в самый верх,
скоро опустят,
оставив размытый след...
След от тех дел,
что цена им
лишь грош,
хоть вложены деньги
с полмира.
Дерёшь и дерёшь
ради выгоды вновь —
это есть бизнес
для таких же голов,
где весь смысл жизни —
рвать и считать.
А началось всё
из мыслей,
которые просто велели мечтать...

10.02.2014

И падает вдруг
оторванный вал,
разлетелись колёса.
Я эту машину
с трудом удержал.
И долго, снимая
шок свой
в кювете,
я плакал,
молился,
а потом вдруг заметил
зелёную ель
у края дороги
и гнездо аиста
наверху.
О, Боже!
Это знак
новой жизни
и новых начал!
И я ушёл в лес
далеко.
Там я от счастья кричал.
По снегу, морозу,
я строил свой дом.
Наполовину шалаш,
где втроём —
Бог, лес и я —
под небом,
на небе.
Жизнь потекла
спокойно.

И если б
кто-то сказал, что
я как отшельник
чудом спас жизнь свою
в понедельник
от очередного покушения...
Я всё оставил.
И деньги держи,
мой соперник
и компаньон!
Приемы, коньяк
и власть их
потом станет безвластьем
и страхом тебе...
А я — в жизни другой,
у озера, где
редко бывают люди,
и лишь
птицы, деревья и травы.
Камыш мне на крышу
уютного дома
и дрова в печку,
чтоб исчез холод...

10.02.2014

Восковая свеча
кустарная
с неровным телом своим,
большая, с нитью горящею
в стакане с зерном стоит.
И старый церковный староста
при ней читает Псалтырь.
Ночь лета короткая, быстрая,
и до рассвета лишь миг.
Завтра схоронят тело,
останется лишь душа,
и то дней на сорок,
а дальше — Бог и вопрос...
У гроба мальчишка слушает
молитвы летящие в ночь...
Годы, бегущие стаею
олений молодых
один на другого толкаемы
и бег их не приостановить.
В этом, говорят, счастье
быстрый жизни исход.
Но так хочется остаться
ещё хоть на одну
такую жизнь!
Или хотя бы на год...
Древней империи царской
время вроде вчера,
а ушли без оглядки
те святые года.
Святость была главной,
к ней стремился народ.
Святость ушла как иней
не оставив следа.
Очумелые люди,
приняв с надеждой
и радостью вновь года,
где уже главной
была идеология вождя...

Она заменила святость
на десятки лет
и сковырнула в хляби,
раздолбанных, с тех
старых времён, дорог...
Новой стала идея
и, вроде бы, святость вновь.
Вместе смешали в темени
Бога, страну
и докторов-воров.
Годы тянулись медленно,
на земле росли кресты.
Церкви, церкви
и молебны,
и, вроде, верили мы.
Но осталась идея
национальная, вроде, проста:
мова, страна, свобода,
но в одних с крестом,
у других без креста...
И время тянулось волоком
еле двигаясь и дыша,
и главным стала
всё-таки не совесть,
не совесть и не душа.
Снова взлетела быстро
в седло на горб
всё того...
Идеология партийная,
совдепийская,
но в виде денег, а
не томов вождей.
Ещё и нож с пистолетом,
и девка голая
как кофеин,
и таблетки, таблетки, таблетки,
чтоб ту девку
мусолить, блин.

А идеология денег
рвала всех подряд
и затянула неводом,
как глупых рыбцов, ребят.
И уже не вырваться
с круга нам,
откуда святость снова
ушла,
и лишь молитвы сухие
о фирме, конкуренте,
да ещё бы деньжат...
И бьют молоты мозг мой,
и уши заложены
шумом пилы,
что по металлу скользит,
и вижу я лишь штаны
девки всё той же голой
в телевизоре перед собой.
А политики спорят
о революции —
и на кой?..
Нужна она или нет?
Что с нею делать?
И цвет?
И народ в половину
сдвинутый
пишет транспарант —
кто на Европу с вилами,
а кто в сторону США
рисует по-детски пистолет.
Идиотизируют массы
денежной идеологии столпы,
не вожди вовсе наши,
а убежавшие
с советколхоза козлы,
свиней ещё стадо
большое с ферм ещё тех.

И всех кого надо,
и кого не надо
идеологизирует
финуспех.
А святость точечным
взрывом,
врываясь где-то в сердца,
замирает и
Бог прозорливых
выводит из психотупика...
Где-то отдельными группами
и по одному
души их очень мучительно
оставляют землю, страну.
А я заливаюсь слезами
всех ручьёв от весны
за детей и за маму,
которым перетерпеть
эти года и дни...

12.02.2014

Ночью
в лесу
на снегу
и морозе
избитое тело,
связаны руки
и ноги.
Альпинист
и учёный,
активный
борец за свободу
пытается выжить
как всегда,
поднимаясь
в горы
или возвращаясь
с победою
вниз.
Но связаны руки и ноги...
Антифашизм...
Страна демократии
за полшага в Евросоюз...
Его избили менты
и бандиты,
И вьюга последняя
в жизни его...
Снег падает
то на затылок,
то на лицо.
Переворачиваясь,
он на что-то надеясь,
шептал молитвы
к Отцу
и думал о детях.
Мороз ускорял
его смерть
сном холодным.

Майдан воевал
с врагом беспощадным
и змееподобным.
Разум утрачен
в мире свободы.
Разум землю оставил.
Годы придут,
чуть суровой мороза,
и заплатят за эту
смерть все сытые,
важные.
В центре Европы
убийства и кражи людей.
Евросоюз говорит
о санкциях против чертей...
Три месяца крови...
Но мало.
А мы матереем
недаром.
Эскадроны смерти
по стране.
Горят, горят
машины,
и в трубе,
как прорве над землей,
только и слышен
колокольный звон...
Европа и Россия,
Штаты и “мессия” —
это всё по вам
набат.
Встаёт уже весь мир.
Солдат родился первый
год назад.
Менять лицо
антифашизма
поворотом головы назад...

Арбат,
Пикадилли,
Стрит восемь,
и улицы в Берлине,
улицы Парижа,
Амстердама,
улицы Стокгольма
и Швейцарии,
над вами позор
денег с постсоветчины
укор...
Не немой.
А кровью кровь.
— Моё отмщение,
и Аз воздам, —
Господь нам всем сказал.
Но вам всё мало:
и прячете бумаги и металлы
бандитов и воров.
И пьедесталы
ваших свобод
не стоят баррикады
в Киеве.
— Восток! —
говорите вы.
Вы правы.
С востока солнце всходит.
И мы станем первыми
в мире солдатами,
и вздрогнут все
перед духом нашим
знатные
правители
торгующие
наркотой...
У нас льётся кровь рекой.

Мы разберёмся
сами в себе.
Мы победим змея
везде.
...Руки в снегу
связаны напрочь
ищут траву
сухую
и пальцы,
царапаясь в раны,
пишут
монограммы,
музыку пишут
для вечности
по снегу
в ночном холодном лесу.
Последний вздох,
и шепот
одеревеневших губ:
— Слава Отцу...
Я иду...
И все мы идём.
— В атаку! Вперёд!
Здесь мира всего,
а не только наш,
враг...

12.02.2014

В преддверии рассвета
в утра рань
на улице сплошной туман,
и слышу я восточный барабан.
Уже и сон ушёл,
а барабан тревожно бьёт,
и в дверь звонок.
Я открываю.
Передо мной
среднеазиатские послы,
а ниже, на лестнице,
караван —
верблюды и ослы,
на них сам Назарбаев-друг
и президенты
среднеазиатских государств.
Несут подарки для жены —
сладости, орешки,
тюбаны.
Я поблагодарил их всех.
Велел животных отогнать
в парк Шевченко, поpastись.
А гости — в дом!
Снимают халаты, тюбаны.
Облом!
Вова ПутинЪ, Лукашенко
и наш гарант,
напуганный ужасно...
Вова смеётся, рад...
— У тебя же Олимпиада, брат,
а ты на Киев...

— Да, поэт!
К тебе.
Вопрос серьёзный
о Майдане, о войне.
О мире тоже...
Мы пили чай.
Азиаты сидели с Лукашенко
и нашим на полу:
подушечки там, салфетки.
Я, как гуру,
смотрел долго на них.
И, вдруг, Каримов говорит:
— Мы привезли тэбэ жену.
Равной ей в мире нэт.
— Да ну! —
сказал ревниво Вова:
— А мне?
— Тэбэ, — сказал киргиз, —
нэ можна.
Ты заняты страна.
Поэт — то да!
Ему нужны нэ только музы.
Ему любовь нужны...
Назарбаев начал первым:
— Слушай, поэт,
тут нервы...
с вашим Майданом
погорели...
Вон Витя сыпется уже
как лист фанерный.
Европа лезет, США...
— Да это, Нурсултан,
всё ерунда!

Европа, США ведь помнят
тот грабёж великий,
когда свалили СССР
и набивали карманы нечисти
баблом.

Крали здесь всё,
и всё украли.

А Запад-то открыл ворота,
и пёрли туда все и всё.

— Сволота! —

Лукашенко прохрипел.

— Молчи ты, Сашка.

Это уже прошедший день.

Так вот, и деньги
там по банкам,
недвижимость и бизнес
нашего отребья...

Хватит надолго того,
что здесь украли,
а постсоветчина легла
как сломанный авто
на ралли...

И вот теперь вопрос
тут архиважный:

Вова построил
диктатуру в России —

как с неба, вдруг,
товарищ Сталин
или Феликс Дзержинский.

Представьте, Украина —
не в ассоциацию в Евросоюз,
а к Вове, в Кремль.

Народ здесь подносился,
занемог.

Но новый поднимается народ,
и кровь его кипит.
А тут империя Евроазиатская
как штык,
и физики работают в поте чела —
возьмут энергию
пространства
просто так.
Да ядерные бомбы
покажутся
лишь лампой керосинной.
И газ, и нефть — по фигу!
И былинные герои
захотят отомстить
за унижения в 1914 году
и в 1991 сразу!
Европа буржуазится,
стареет,
а в США приток умов
мелеет...
И отомстить захочется
за родину отцов и дедов.
А Украина-то — народ
особый, смелый.
И что тогда?
Буфер между Россией
и Евросоюзом?
Да трында!
За буфер тот,
и за унижения другие
завалят золотой
миллиард китайцам
или Латинской Америке
в работы.

Вот вам и Украина!
И мои думы и заботы!
От Украины мир сейчас
зависит,
на сотни лет она
изменит карты мира,
она изменит бытиё,
сознание,
когда в кварталах
красных фонарей
Берлина, Амстердама
людишек больше,
чем по храмам.
Вот так-то, Вова
и братья-азиаты!
Мне решать сегодня,
что нам делать дальше.
А Витя наш уснул
на маленькой подушке.
Сашка Лукашенко
конспектировал мою речь.
И душно стало Вове, азиатам,
открыли шире окна.
— Брат ты! —
сказал туркмен.
— Реши же жизнь планеты.
Может, Украина в Кремль?
Чтоб потерять покой
Европе, США
за те широко открытые
ими ворота
для бандворья?
— Не знаю я...
Решит здесь сам Христос.

Но Украина уже
не буфер и не мост.
И шаг её —
цена большая.
Восток ли, Запад —
мир поменяется
серьёзно.
— Облава! — Сашка прокричал.
— Давай, поэт, империю!
Не подкачай!
И выберем тебя на трон.
— Нет, Саша. Я — поэт.
А это выше трона.
Я сказал лишь то,
что читал
с мраморной стены:
буквами золотыми эти слова
ко мне пришли.
Дети подрастают,
им и властвовать.
А Бог решит.
Пока Европа, США
грешат
и Украина им как буфер...
Ума в них мало.
Вова!
Ты послушай:
не порть имидж
и не становись врагом
для Украины.
Отдай всё Богу в руки.
Время покажет,
и мы поймём.

12.02.2014

Один знакомый
мой поэт
обедал с олигархом
и написал сюжет
мультфильма
для олигарховых собачек.
Я тоже в гости захотел
наведаться к “крутому”.
И вот судьба
удачей вновь
ввела меня к блатному.
Первым, что он показал —
это террариум ландшафтный.
Я плыл на лодке,
себя подняв,
по речке,
где ужасно...
Змеи в воде,
длинные, страшные,
змеи везде
кусючеопасные.
И, точно, не понял —
грызнули меня
или это на ноге
царапинка:
так лишь, фигня.
Смеялся олигарх
от счастья.
А я стоял, смотрел
в лицо бандита,
и он казался мне несчастным.
Мне тот террариум —
никак.

Я там не испугался,
а вот олигарх
и олигархи —
это ведь горе,
это несчастье
для нашей милой
всем страны.
Воры, что в доле
с Западом,
тащат туда всё
прятать
от нас украденное.
А есть ли законы
в США и Евросоюзе
и статья о пособничестве
бандитам и ворам
прятать с грабежей
их добро по своим коморам?
Но в связке, вместе,
работают с господами
наши жулики
с ножами,
а здесь останется после
народного восстания
память —
террариум ихний
нам, вроде бы, даром.
Но кормить нужно змей
и ухаживать.
А мы их в Сомали
продадим
вместе с олигархами
важными...

14.02.2014

Ночь.
Темень.
Туман.
Мрак.
Босой идёт князь.
Грязь, грязь, грязь...
Тают снега.
Дожди.
Но так далеко до весны.
Князь тьмы...
Заместо святых...
Церкви стоят
в крестах
и колокол тих.
А по центральным улицам
фонари.
Блеклый свет,
и стекающие вниз ручьи.
Бьются люди
за жизнь в испуге
в пьяном мраке
дешёвых лаков,
дешёвых стен
камней потёртых.
И вонь спиртного,
и вонь подворотни
вперемешку с табачным
дымом.
Спиртное рекой.
И каждому хочется здесь
любить
и быть любимым:
— Милый,
милая,
ещё по чуть-чуть...

Шорох пластиковых
стаканов
заменяет звон бокалов.
Немытое тело
и помятая джинса...
Ресторан,
и жратва для мусорников.
А грязь хлюпает, хлюпает
под ногами князя.
А он скромненький,
в духе времени,
без лошади
и автомобиля
пробивается сквозь
бурелом
и останки зимы.
Мы слились в поцелуе
до весны —
два памятника,
и оба Ленину,
оба лежим
в котельной.
Хорошо хоть тепло.
Газ идёт из России...
Кочегар пьяный
бабу манит
квартиркой
с мебелью
и ковром.
Баба юная,
но тёртая, —
жизнь обмотала
её отвёртками
и колючей проволокой, —
не соглашается
никак.

Она лишнее
выпила
и не въезжает,
а кочегар, дурак,
пытается уговаривать.
Десятый раз
снимает с неё штаны
и брить
начинает себе бороду.
Памятники валяются
от смеха
в разные стороны.
А в ресторане
стриптиз для пани —
здоровый детина
оголяется за мани,
и пьяные пани
лезут на него
с когтями, камнями
сверкающих украшений.
Но здесь сцена,
а по коридору кабинеты,
и там — без особых
уговоров...
Всё по Марксу:
товар — деньги,
или: деньги — товар.
Хрипит и кричит
в телевизоре
политолог
о новой ситуации
в революции иголок
и освобождении от себя
или от страха —
и кто куда...

А грязь хлупает под
ногами князя.
Тьма непроглядная.
Вот зараза!
Ночь полнолуния,
и луна запаздывает
как девка важная...
Князь пробивается сам
в трудах.
А здесь всё льётся,
пьётся, и бардак.
А что будет,
когда придёт князь?
Утро.
День.
А, может, ночь.
Да я не о времени,
и не о днях,
и не о том.
Я о жизни нашей,
где такая грязь
и такой кавардак!
А нам нравится.
И что нам князь?
У нас есть своя
легитимная власть...
Всё есть,
и демократия тоже...
И мало кого
что-то гложет.
Исцарапанный пол
в кабинете.
Шкаф открыт полностью.
Вещей нет.
Пуст.

Ушла жена или муж.
Ну и пусть.
Хлюпает грязь.
Лёг поспать князь.
А дождь льёт.
Опять...
Ночь.
Туман.
Мрак.
Тьма.

14.02.2014

Полночный стук
как землетрясение.
Удар двери
о дверь,
и, как замедленная
киносъёмка —
куски разорванных дверей,
осколки стекла
узорчатого
летят...
Разруха.
“Беркут” вновь пришёл —
ментовский наз,
что спец,
избить всех нас.
И мокрая подушка,
снег,
и не понять уже —
серьёзно,
или смех
сквозь слёзы
через сон.
Но он пришёл.
И так всю жизнь теперь
ломают,
бьют,
калечат дверь,
затем,
как зверь, —
тебя.
Глаза
лежат меж битым
на полу стеклом.

Портреты президента,
а на нём
кровище из оторванной
руки.
И гроб с убитым.
— Мужики! —
кричу я сквозь окно.
Но снизу — выстрел
прямо в глаз.
Такой вот мой кошмар...
А есть кошмары
у ментов,
спецназа,
просто ментов,
что как зараза
расползлись везде?
Да нет!
У них их нет.
Они не спят, вовсе
не спят.
Они в отрубе
просто лежат
как стадо поросят.
Они не люди.
Не взывай
к их совести,
работе,
званию.
Край человеческих
всех чувств
проходит мимо их
мозгов и рук.
Машины рождены
убить,
растлить,
сожрать,

зарыть
дерьмо после его
обеда сытного...
Пошло...
Следы по снегу
в поле
одиноки.
И я бреду по ним
искать кого-то,
может быть, помощь
оказать...
Следы идут,
в глазах рябит,
и слепит снег глаза.
Отдельные деревья
и кусты.
Следы идут всё дальше,
и мне от них
уж не вернуться,
не уйти!
И, вдруг, обрыв следов
среди поля белого.
И нет концов,
и человека нет!
И кричу сквозь
белый снег,
и горло рву своё,
и свет
весь белый
онемел.
И тишина...
И не у дел
я возвращаюсь
в свою дверь,

чтоб снова
ждать кошмары
дней.
А телевизор прорябил —
политик что-то говорил
о революции,
что страх смела со всех,
лишь власть дрожит
как тесто
на телеге
по раздолбанной дороге.
А мы все
избавились от страха.
— Почти что все, —
сказал политик.
И я заплакал.
И, вдруг, удар!
И пол — как будто бы
землетрясенье —
зашатался подо мною.
А в воздухе стекло
и двери,
разбитые ногою...

15.02.2014

Белым туманом
мне бы стать,
белым туманом
мне бы упасть
на дом родительский,
и над лугом,
где детство прошло.
проплыть...
Белые туманы,,
съедая снега
когда-то белые,
шли к нам сюда.
Но оттепель
цвет изменила их
в день —
снега почернели,
и тень
хмурого дня
на наши снега.
И где та тоска,
что здесь вновь прошла
и оставила след
на день или два?
Снова тоска...
И не унывая,
птицы летят уже к нам
с того края,
где было лето
и было тепло.
А я белым туманом
грехам всем на зло
омытый дождями
и ветром продутый
упаду
на вас, мои люди.

И люди в тумане
спешат по дорогам.
Кто-то задумался
и чем-то встревожен,
кому-то весело
в вечерний час,
фонари горят.
Нимбы вокруг
их голов,
в тумане искрятся
лучи.
Всё потом и потом...
Оставляя свой
дом,
кажется всё так
и останется в нём
на потом...
Но это кажется
в белом тумане.
Кто-то продрог
и убегает,
а кто-то говорит
о любви кому-то,
и я краснею,
подслушав,
и становлюсь ещё гуще,
чтобы прикрыть
влюблённых
в парке.
И не забыть
о себе,
о желаньях
вернуться туда,
где дом мой
тот главный,
начальный,

ушедший во время
за облаками.
И слёзы мои
тихо стекают
по фонарям,
веткам деревьев
и на луга,
на траву,
что под снегом
провела не одну ночь...
И я верю, что капли
воды
по крыше дома,
то слёзы родителей
и мои это слёзы...
Ветер
легко подтолкнул
мои крылья
и в спину,
чтобы я не обиделся
на него.
Не обидел
я никого...
Ушло
время ночи
и я растаял.
В солнца лучи
сам плыл и плыл,
превращаясь в росу,
что слёзы
других,
таких же как я.
О, белый туман,
и мечта —
моя не моя...

16.02.2014

Снайпер в прицел
ищет мою звезду
на лбу
на старой, выгоревшей
от солнца и дождей,
пилотке.
А я перед почтальоном
танцую
за письмо из моего
родного дома,
что долго шло
по фронтовым дорогам.
Одно письмо на взвод...
И громко наяривает
гармонист.
Он рвёт меха,
и так спешит,
что гармонь
срывается на хрип.
А взвод мне
хлопает в ладони.
И я танцую новый
танец в такт гармонии,
и сердцем чувствую
прицел на лбу...
И снова я по кругу
в танце
в такт музыки спешу.
А взводный за деревом
всё просит: ещё!
Он за снайпером
в охоте день шестой.

А снайпер ложит
наших через день,
и каждый раз
пуля в звезду уходит
как в беду...
И я танцую новый
танец,
и чувствую прицел
то на звезде,
то на щеке румянец.
И, вдруг, треск
сухой
от выстрела.
Гармонь ещё быстрее
танец мне.
А тут и взводный
в пляс пошёл,
и взвод,
и в этой кутерьме
почтальон с сумкою
в руках.
И пыль горячая —
её глотает каждый
про запас.
А взводный мне даёт
бинокль:
— Смотри!
Смотри на его красный лоб.
Но это не звезда.
Это кровь из раны свежей.
Гармонь наяживает
снова
новый
танец,

но мы в траншею
падаем устало.
И почтальон
за нами тоже.
И я письмо
читать буду всем вслух
раз двадцать,
если не начнётся бой.
Быть может...

16.02.2014

Я повторяюсь снова:
война,
и народ в крови.
Я повторяю слово, а
оно потерялось в пути.
Я повторяю слово
и вспомнить бы мне его,
но оно потерялось снова,
как монета в песке морском.
Я напрягаюсь в мыслях
и лоб мой морщины
рвут.
А слова нет!
Нет слова!
Которым мы держимся...
— Друг! —
я обращаюсь к солдату,
юноше на передовой.
— Может, ты знаешь?..
— Когда-то я слышал...
Но, вдруг, гранаты взрыв
и бой...
По баррикадам лезят
офицеры-менты
и в кульки
собирают
брошенные
салфетки,
бинты,
какую-то еду
в консервах
и вещи людей бедных.
— Ма-ро-дё-ры! —
кричала душа.

Мародеры,
мусорня-офицерня
быка,
которому служат рьяно,
и за деньги готовы
в кровь избить,
изрезать,
убить.
Наганом в толпу голов!
А я вспоминаю слово.
Меня уже вертит ось.
А, вдруг, я погибну снова,
когда вновь сюда вернусь?
А стоит ли, на зону?
А стоит ли, в тюрьму?
А стоит ли, к “крутому”
царю-пахану?
Стоит ради рассветов,
ради её в воде,
ради её в лете,
ради её в себе...
Так исковеркать тенью
свет мой в моих глазах,
так изуродовать Землю
чертями
нас всех как в ад...
Но воля любви
и жизни,
воля к детям своим,
воля к тебе, Украина —
и вернусь, хоть и в дым,
хоть в разрывы гранат,
что бросают менты в людей,
под пули горячие,
которые выплёвывает
со ствола плебей...

Я не умру пока здесь,
хоть и давно не жив.
Я переверну ось эту,
где черти
все сверху,
а снизу — народ
полуживой,
но с любовью
к Нему.
О, Бог!
Я вспомнил слово,
и страшно от этого —
куда мы зашли?
Имя Бога Живого
забыть на земле
в дури жизни
и потоках крови!
Я вспомнил снова
и не забуду вовек
Слово —
имя Бога Живого.
Стыдно
и больно мне...

18.02.2014

Горящая ночь
в безумии пламени.
Ментовский спецназ
сжигает
революционный Майдан.
А заказчик
из окон отеля
напротив
смотрит.
“Беркут” победно
входит в остров свободы.
А Майдан
исходит кровью.
Десятки тысяч
из десятков миллионов...
Так мал запас
силы народа.
А силы уроды, антихриста —
море,
серное,
грязное
и беспримерное
в центре Европы,
продавшей в ДОПРы
советских зека
и бандитов.
От общака
неплохо пригрели
Европе
и попу,
и сиси,
и писи...

Но дура Европа —
они ей по попу
построят болото
из золота
флота
сомалийских традиций
пиратско-бандитских
амбиций.
И антихрист весь в страхе,
без сердца,
рогатый,
гонит ментов
на Майдан
чуть поддатых,
чуть глюкнутых
химией от чертей
фармакологов
накаруселили
и наколёсили
нечисть ментовскую досыта.
А Майдан
пылает огнём,
и пламя
согревает бойцов,
и знамя
не падает вниз никогда.
Его подбирает следующий.
Нет президента,
и власти не слышно,
а народ бьётся
со зверем,
и слышны лишь песни
и стоны в ночи.

А палачи
палят Крещатик,
палят Майдан
по приказу
уродов
из адской
человекобойни...

18.02.2014

Коррупция — основа государства
на постсоветчине,
артерии каннибальства
от холопа и до барства.
Снизу вверх,
потом обратно.
Менты стали бандитами.
Бандиты стали ещё бандистей.
Власть бандитов.
И всё смешалось
в этой стране
и этих странах,
что остались
постсоветчиной
как гадость,
как чистилище для мук.
Страдают дети,
внуки
за грехи отцов и дедов,
которые вели себя
как суки,
голосуя то за
“лиса хитрого”
тележку-кравчучку,
то за рыжего
жестоккого Кучума,
то за мессию
из тарелки супа,
потом — зека,
спасителя с горшка,
где касса общака
и личного шофера,
охранника,
попа.

Сегодня многих греет
поп.
Свой, карманный.
Вот и грех
я заработал непростой:
я стараюсь, ищу правду,
и порой
она такая страшная
здесь наяву!
Ее не хочет видеть
наш народ...
— Ау! — кричу,
прошу.
Но посылают на фиг.
Сегодня дети их
грехи смывают
своею кровью
на Майдане
за папу пьяного,
за маму-клушу,
за безмозголовость.
Я не трушу.
Я почти уже
их не боюсь —
бандитов-бандюков-бандоту,
и придумал, что
с ними делать после.
Дома их,
замки
передать искалеченным повстанцам,
деньги — державе,
у которой они их украли,
а их самих —
в “Антей” — наш
суперсамолёт,
в отсек грузовой,

и выбросить
на северный российский
флот
с высоты
под десять тысяч метров.
Другого выхода
в страны
здесь просто нету...
И снова грех мой —
убивать.
И снова я бегу
вперёд,
не вспять.
И снова правда
так ужасна!
Но это правда.
Она подлечится
и станет
аккуратна.
Приятнопотребляемая,
скажем так...

19.02.2014

Расстрелянные как в тире.
Убитые.
Убитые.
Расстрелянные как в тире.
В Киева.
Утром ранним
в День скорби.
Десятки,
или сто и более.
В голову,
шею
и сердце.
Снайперами, как в тире,
по приказу президента
не страны,
не народа,
а уroda зверства,
ставшего во главе бандстаи,
грабившей страну
десятки лет.
Сколько они убивали...
Мучили,
резали,
топили с батареями отопления
на плечах,
с камнем на шее.
Страшное время.
время абсурда
сжимается в линию
тонкую, рваную
и прямую,
недлинную.
На севере бес,
беснуется лес,

беснуется люд,
вроде, интеллигентного вида —
там страшный мир
антимира,
там абсурд и маразм
в достатке,
и они помогают убивать
детей наших.
Время проклятий,
время наносить удары
словами,
слезами.
Отмщение сверху...
Страшная Россия
в диком зверстве.
Антихрист силён,
и они поддались.
Верх её
принимает наших
уродов с семьями
и сознанием одичания
в московские леса
на доживание
среди таких же
страшных трупоедов.
На Кавказе напились
кровушки
и осатанели.
А я думал,
они братья,
по вере,
по православию,
по крови,
культуре.
Незнанию моему
нет предела.

Включите телевизор
и увидите
ад и его дело.
Но это не мученики,
это черти.
Они преобразовались
и сейчас
типа “человеки”,
тянущие в ад
страну постсоветскую
и другие, вроде бы,
родные,
соседские страны...
Расстрелянные как в тире.
Тот, мой карлик-друг,
мочил в сортире.
Сегодня карлики по его
мозгам кружат,
хорошо, что слабые
и пока только
над болотной Русью,
уже осатаневшей
и чуть над соседями
по постсоветчине...
Лежат убитые рядами.
Им по двадцать,
кому-то чуть больше.
И за что они жизнь отдали?
Не все поймут
героев жертву
и примут их навсегда
в своё сердце.
Обывателю это лишнее,
и противно.
Он, обыватель, на Земле
с пустой душонкой
болотоболтливой.

А власть отправила своих
детей за границу.
Улетели Ахметка и свита.
В Европу...
Хоть там что-то о санкциях
вчера звучало.
Не погибли политики, олигархи.
Их менты с хлебом-солью
встречают.
А народ истязают, стреляют.
Русские идиоты требуют
зачистки Майдана.
Куражатся,
циркачат,
кривляются.
И я их, ушибленных
властью и деньгами
и продавшихся антихристу,
жалею,
сочувствую,
и, больных ,
одержимых страстями,
погрязших в пороках,
понимаю...

20.02.2014

Глупости человеческой
нет предела.
Сотни убитых детей
и тысячи раненых...
Европа с оппозицией
сливают воду —
остаётся прежний президент
в деле, до декабря,
а тогда будут
новые выборы
и он пойдёт
в оппозицию...
Ой!
Напролёт просят пулей
не раз ещё.
А кого?
Да народ-то,
а кого же ещё?
И бандиты пойдут по
редутам
избирательных участков
и дутых голосов
вбросят столько,
что президент
победит
оппозиц...
— На сколько?
— На ящик патронов.
— Я говорю о процентах.
— А я о тоннах
боеприпасов
и разбежавшихся от власти
в разные стороны
лишь за день.
— Так бандиты не сядут
в тюрьмы?

— Ты пень.
Они там никогда не сидели,
и сидеть не будут.
Тюрьмы для народа
строятся,
а не для власти, бандитов.
Отсталый ты, активист,
а, может, побитый
“Беркутом” сильно?
— Я битый, но мозг
работает ясно
и цели мои
мне видно,
а вот политики
от оппозиции...
Так обидно.
— Да не грусти, старик.
Вас миллионы.
Найдёте сбежавших,
их там и похоронят.
Здесь наведёте порядок,
страна-то ваша,
и Майдан стоит силой
не за глупых
новых вольможек
и поводырей
с повязкой на глазах...
Президент остается
кровь допить
из убитых
и ещё немногих
активно живых...

21.02.2014

Ценою крови
сотен убитых,
тысяч искалеченных
и миллионов обезличенных
тиран-главковерх и бандит
в одночасье исчез,
кувыркнулся,
и никто пока его
больше не видел.
Междунорье осталось
свободным.
Ветер качает не запертые
створки ворот,
и заходят
все любопытные
посмотреть на богатство,
на золотой унитаз...
Но, братцы,
он исчез!
Главковерх, убегая,
снял его,
и охрана бывая
упаковала
и в самолёт
дорогой прибор поклала...
Сотоварищи банды-партии
разбежались
по Европе добрейшей,
что с деньгами всех
любит —
как проститутка
за денежки
приголубит,
разденет,
даст

и не забудет
о тугом кошельке,
хе-хе-хе...
В постсоветчину тоже
укатили вельможи
к осатаневшим братьям.
Страна вдруг засияла
свободой.
А то еще будет!
Ведь миллионы
ошейников
и намордников,
что нам одели
нужно вот снять.
А захочем ли мы
в самом деле
остаться без поводка?
Ха-ха-ха...
Из ночи не смеются,
а стонут, привыкшие
на лапки пасть
и лизаться...
А тут никого
и нигде,
кроме таких же,
павших, людей.
А не вернётся ли
снова фашизм
с бандитизмом?
Ведь столько
грязи людской
осталось,
и видно
из-за заборов
их стволы
и кастеты.

— Эй вы, бандиты!
Вылезайте на свет!
Вы, может,
покаетесь
и исправитесь здесь
под небом свободы.
А, может, и нет...
Привыкли
бить, убивать,
воровать.
А мы привыкли
терпеть и страдать.
Но новые встали,
пришли
по росе
и кровью полили
своей землю здесь
для нашего счастья
и счастья потомков.
Как тяжело!
Я пробыл вот несколько
лишь минут
без ошейника
и намордника....

22.02.2014

Дочери Ирине

Живёшь в лужице
или болотце
и как лягушка,
высунув язык,
ловишь мошкару и комаров.

А ты иди
в большую воду,
реку широкую
или же море.
Не бойся глубины,
большой волны.

Бог поддержит
смелых.

Если ты избрал
большое плаванье
вокруг Земли,
не хнычь
и не тяни
ты время.

Его сжимать нужно,
чтоб бремя,
которое нести тебе,
казалось легче.

И вот, поверь,
в большой воде
ты будешь сильным,
и тебе видно будет
глубину,
где жизнь сокрыта.
Герой, скажут о тебе,
и мысли все твои
и их полёт
уйдут в глубины
космоса,
где Бог.

И ты познаешь
силу от Отца.
Ты мыслить будешь
как Господь писал
в Священной Книге
для всех нас...
Выйди из лужи
хоть на день,
а трудно —
хоть на час...

22.02.2014

Дни скорби
и дни победы
тяжёлым камнем
на груди
по убиенным
безвинно
и безвременно
ушедшим
в небо.
Вечер ранний.
Майдан пылающий огнями
фонарей.
Многотысячное
море людей.
Над головами их
плывут гробы,
как лодки,
как челны,
в новую жизнь,
что впереди
героев ждёт.
А нам здесь
вечная за ними
скорбь
и слёзы...
Дождь по Украине.
В телевизоре вновь
дежавю:
как в том,
помаранчевом, году...
Тогда всё было так же.
Убежала власть
с деньгами
по границам.

Бандиты тюрем
не увидели,
лишь лица их
потом мелькали
на экране.
Потом вернулись
к власти
и погнали
накатанной дорогой
с кистенём.
А спины гнул
простой народ,
и разуверился.
Но вот
вновь дежавю:
власть разбежалась
с краденным добром,
оставив нам
пролитую вновь кровь...
И тюрьмы будут
вновь пустые...
Пусть Бог простит меня,
я не за отмщение,
и не за месть.
Но правда есть
и время поднимает её
на флаг
как честь.
И дежавю будет всегда.
Депутаты голосуют
вместе “за”.
А где были они
три дня назад?
Могли бы сохранить
жизни ребят.

А так плывут
над головами
людского моря
на Майдане
как челны
гробы
в миры другие.
А нам тяжесть
камнем на душе опять
и дежавю...
В Верховном Совете
продолжают бесконечно
голосовать...

22.02.2014

И сердце
разорванное в груди
от порванной не нами
нашей любви,
и раны болят,
и жди
пока не заживут они...
И снова сердце
разорванное в груди
от брошенной мною
нашей любви,
но шрамы уже грубы
и быстро ещё
толще становятся они.
И снова сердце
разорванное в груди
от пули горячеей.
Эй!
Снайпер!
Поденок!
Да подожди!
Но пуля рвёт сердце
в другой груди...
И так много раз...
Не сравнить мои раны
и их смерть.
Сотни, что в небо
жертвой лететь
за Украину.
Не месть я хочу
палачу,
не месть я хочу
менту,

не месть я хочу
партийцам
и их ведущим
псевдосоветоарийцам...
Я хочу, чтобы
разорванных сердец
боль
легла на алтарь
правдой гор
и здесь уже все было по-другому.
Чтобы помнили
политики
своё место
в общем доме.
Но чувствую, что
зарвутся,
и сотни оставшиеся
вновь взорвутся
и будут крушить,
вспоминая
тех, в небесах,
что рыдают
за этих всех
безбашенных,
перелицованных
и перекрашенных
в новых причёсках
и париках,
новых ботинках
и новых трусах...
Ах!
Бах!
Не хочу я так.
Но меня никто
не спросит.

Каждый рвёт себе,
под себя,
и словами поносит
выдуманного им
врага.
Разорванное сердце
и шрамы тугие.
Я вновь люблю её,
и мы так лихие
поговорить,
посмеяться,
и в шутку
я её увезу,
уведу
незабудку.
Мелкий снег
утром ранним.
Чёрные тучи
на розы, тюльпаны
по улице снайперов,
Институтской,
от власти взбесившейся
проститутки...
Не шутки...
Не смешно...
Я плачу,
но слёз нет давно.
Лишь сухие глаза и губы.
Я их не забуду,
стаей ушедших в небо.
Я тоже виноват
в этом...
Наша хата двадцать
лет стояла на краю,

а мы считали, что с краю,
и ждали,
чтобы кто-то,
что-то,
как-то...

А они просто
жизни за нас
отдали...

23.02.2014

Дождь.
Мороз.
Лёд.
Снег.
Снег.
Солнца нет.
Лишь серый купол небес.
Ветер
рвёт,
кружит
и воет.
Он пытается освоить
новый жизненный период.
Зиму.
Оседлать её как лошадь
и объездить
её дикость,
её гордость.
Ветер рвёт удила дня,
к ночи затихает.
И пурга
становится спокойней.
Снега много,
очень много.
Когда-то были здесь дороги,
теперь лишь
поле, лес и снег.
И путник движется
как перст,
одинокий
пишет след,
который замечает снег.
Путь не долог —
день и ночь.

Там, в лесу,
ему помочь
смогут
дом и печь с дровами.
Талая вода
взыграет
закипая
пузырями,
и узвар,
и травы пряны.
Ноги печка будет греть
дровами
жарко горящими.
И званный гость
зайдёт на свет —
то, вдруг, заяц,
то медведь.
Прилетит сова
среди ночи.
Утром ворон и сорока.
Все расскажут
о житье,
о бытие
и о зиме.
Путник, улыбаясь,
в ночь
движется.
А мог помочь
не спящий
старый мишка —
посадил бы
меня на спину
и довёз до дома...

Но я глубокий
старец
с бородой седой,
и лишь румянец
от мороза
да глаза
не выдают мои года.
А я мечтаю
как ребёнок
в сказке, где медведь
и медвежонок
и жена и мать медведей...
А ветер снова
снегом веет
и согревает душу,
хоть тело
морозится и индевет.
Но путь мой
древний и проверен,
и я дойду к утру,
уверен...

23.02.2014

Я был зафиксирован
в осях координат
времени безысходности,
когда путь вперёд
был близнецом пути назад.
И только надежда
внутри
держала команду
“фас!”
Я был пристёгнут,
но не распят
на площади абсурда
среди таких же
солдат
революции,
что пролетела огнём
и смерчем
пятьдесят лет назад.
А, может, и был
распят,
но точно, не на кресте.
Я боялся крестов
много лет.
От них веяло холодом
могил,
и страх смерти
гены долбил
таился
в мозгу
в части передней
и в левой,
и в правой.
И ещё инстинкт,
тот, что самый главный.

Единственная радость
забыться,
укрыться.
Блядство было запретом,
но по тёмному
цвело тайными
цветами.
Мы их искали
и собирали.
Это была любовь,
часто на четверых:
два мужа
и две жены,
и каждый тих.
Было редко —
любовь троих.
Две женщины
и мужчина,
почти псих
от семейных дразг
и квартиры
на долгий кредит.
Одна проблема
меняла другую.
Бога не было
для нас, неверующих.
А если и верили,
то это лишь
атрибут.
И надежда,
надежда,
что не придут
и не загребут.
Аскеза.
Аскетизм.

Алчность.
Идеологизм.
Коммунизм.
Фашизм.
Национализм.
И нищета духа,
помноженная на
нищету...
— Спокуха! —
говорил блатной
и доставал
нож,
часто небольшой.
Отделавшись
мелкой суммой
и ударом в скулу,
жизнь всё равно
казалась не профурой.
Надежда — мама.
Ростов — не папа.
Москва — мечта
и лимита, лимита.
Оттуда корни,
оттуда зло,
оттуда зверство
и бесовство.
И пили много,
курили в дым
дешевый, гадкий
табак.
И Рим был на картинках.
Евреям — кайф!
Их выпускали.
Эх, эмигрант!
И страх, и зависть,
но больше жалость.

И в этом, правда,
часто казалось
правдой...
Хоть малость
преуспевалось,
но, больше мясом,
и брюк достатком...
Комплексы
как комплекты
всего необходимого
в чемодане
всегда привозились
снова обратно.
Комплекс в общении:
язык не мова,
и мова не язык.
Бог не привык.
Он ждал и верил.
А мы винтились
винтами системы,
что стопорила
движение вверх
и мысль давила
бытом всех.
Ах вот и снова
покупка в доме!
Рулон обоев
и краска для пола,
тюбик помады,
презерватив —
один! оттуда! —
и всех косил
своим дизайном
усов, резин.
Но кайфа мало,
ведь он один.

А все смотрели
и плыли вон
из тела в тело,
и вновь облом.
Оргазм как астма —
понять нельзя.
А врач вчерашний
с колёс
на два
закончил курсы
и пил вино,
и девок щупал,
и в домино
козла лупил
на столике
с парадным рядом.
Жена кричала,
а он, боров,
уже не мог
и не хотел...
Вот так и жизнь
многих —
не у дел.
Карьера роста
как бык в рогах,
иди, попробуй
обуздать,
коль ты не дядин
и не тётин,
кому ты нужен?
Лишь комплекс тут.
И этот комплекс
пришлось тянуть
вместо креста
как дикость
до самой смерти
роковой.

Ну а кто молод —
давай домой,
где всё другое,
и новый темп.
Но все герои,
и их портрет
оттуда раком
и в неглиже,
и баба сзади.
После...
Уже...
Оргазм не астма,
но и не кайф,
и только деньги
вводят в раж.
Бывает проблеск,
революцион...
Но не надолго,
потом — облом.
Всё тот же путь,
и те тележки,
что президенты
тянут вместе
с теми же грузами
комплексов
и без надежды.
Лишь звон монет...
Единорадость
и весь успех —
почти всегда,
почти для всех...

23.02.2014

Агрессия.
Ненависть.
Злой крик
и презрение —
всё, что ты отдаёшь
мне, везение.
Везение —
часть линии
на пути моей жизни.
Она все равно
остаётся непрерывно.
Снег, мелкий снег
на её лице и ресницах.
Снег тает,
и стекает каплями.
А птицы
не прерывают свой
полёт.
Каждая кружит по небу.
Невдомёк тебе:
весна или лето?
Я виноват, что
встал на путь твой
вместе
и разорвал твои мечты
своим присутствием.
Мы мечтаем,
часто, о других,
ненавидя нас самих.
И так уже десятки лет.
Осталось мало.
Тихий снег,
почти последний
от зимы
на волосы твои.

И я люблю тебя
всегда.
Ты просто вымысел,
моя мечта.
Спасая сердце
от разрывов
пуль слов твоих
злобливых,
я закрываюсь
много лет:
то Бог
с природой,
лунный свет,
то женщины моей мечты
в картинах
экстракрасоты,
то просто
путь,
и бесконечный.
Босые ноги
чувствуют вечность,
в пыли горячей
было детство.
И дивно
снова
путь тот в вечность,
или отрезок, часть пути
найти
и снова им пройти.
Спасают и стихи.
Свои,
чужие.
Пустьяки всё остальное
в этом мире.

Ведь кроме детей,
любви —
всё
мимикрия,
дешевый занавес,
весь в дырках,
такого же
театра,
цирка,
где каждый хочет
стать поп-примой
или звездой
себе счастливой.
А потом так часто
не хватает
хороших слов,
и стих хромает,
перелетает,
переходит
через эту пропасть
и болото, через низость
не низин,
а человеческих,
глупых, бесконечно
повторяющихся
нечистых
и холодных
зим...

24.02.2014

Олимпиада в России
закрылась как входная дверь.
Деньги в неё всадили
дурные
символом потерь.
В запой ушла элита
с горя-радости опять.
А тут в дыму
похмельном
прямо за стол
свалился наш гарант.
Без страны
и без трона,
зато с гробами,
за новым,
уже русским эскадром.
И плакался,
и ныл,
и убедил.
Вова ПутинЪ, добрый,
посадил его в хороший самолёт,
а оттуда
дальше, на восток —
Ростов-папа.
Истребители сопровождали
Вовы по несчастью
брата...
Счастье было.
Много было.
И плескалось,
и крутилось.
Завязали дружбу
гений по “делам”
и гений по ворам.

Чёрный гений
тут
и черный гений
там.
И Вова цепко
в Крым вцепился.
БТРомайданом
подкатился
и спецназами
блокировал, что мог.
В нарушение всех прав.
Носится
как дурак со ступой
с нашим.
— Эх, Вова!
Будь здоров!
А мы так верили в тебя,
надеясь, что ты
изменишь жизнь страны,
а ты в диктаторы...
— Цыц!
— столько лет плюёшься
на народ славянский,
а банду греешь,
стелешь ей
по барски.
И потерял ты, Вова,
в нас любовь.
Тягайся с зеком беглым.
А с Крымом,
как поэт великий,
советую:
не лезь!
Можешь быть битый,
диктатор
за бабло любимый “шкурой”,
что окружает трон твой.

И тебя
они не любят, Вова.
Ты зря
на них надеешься.
Как наш гарант:
плюнули и нет.
А щели в диктатуре —
ого-го!
И пламень с шин туда
мистический...
И что тогда?
— Мое отмщение
и Аз воздам!
Господь сказал.
А ты не веришь
или не читал?

28.02.2014

Экспорт революций
в кредит
или за расчет наличный.
И лично
просыпается диктатор
в мокрой постели
с дрожью в сердце
и дрожащей кривой лапой,
которой
убивал
и хапал.
И нет уже диктатору
ни днём, ни ночью,
ни пьяным
покоя...
Покой уже даже
не снится.
Рожа в кровях
кривится,
кровит,
дрожится.
И ум работает
вокруг одной оси:
как уберечь
свой зад,
своё шасси?
Но всё никак.
И движет час
к расплате,
где нары,
баланды вонище,
грязь,
спецназ,
который
развлекается с диктатором:

то таз дадут,
а в нём моча,
мол, вымой рожу!
А дальше
зубы рвут на сувениры..
Рад бы умереть,
но страх гнетёт
и не даёт.
О ты, диктатор!
Подлец, убивец!
И жизнь твоя —
сплошной кошмар
и сплошная
крадущаяся
смерть —
сегодня,
завтра,
и всегда...

28.02.2014

Россия.
Великая
как гнѣйник,
отстойник
для бывших наших
недостойных
жить на свободе,
а быть в тюрьме.
Бандитам тюрьмы!
Как по мне,
не кровожадный я,
не ангел,
но есть закон
мирской.
И здесь он главный,
так как Божий
не читают,
не признают,
не понимают,
оскверняют
и доверяют
оружию и бабкам,
что по сейфам,
и заглашник тот не малый.
Не завидую я.
Главное — правда,
вера в Бога.
Главное любовь.
А судят строго
бедных, нищих
за мешок ботвы —
срок пожизненный.

И гонит тот судья,
кафтан одев,
чисто по блатному,
руку вздев,
чтобы мзду,
а нет —
муку...
Бедному трудяге...
Муку суке,
чтоб не тьякал,
муку гаду,
чтоб не гавкал,
муку детям,
чтоб пропали
и не дожили...
Им трали-вали.
А тут, вдруг,
реввоенсовет.
Меркнет в глазах
мутных свет,
и та сила, ловкость —
в страх,
и дерьмом —
пах-пах-пах...
Аж до площади
той самой, Красной,
до Кремля,
где стены и куча башен,
что безопасным
стал давно
притоном оным
подлецам в штатском
и погонным.

А Россия
как отстойник
для дешевок людских.
Гномик душ
их курвоплесень
точит
и жрёт шашель
как и мебель.
Моль в кармане,
где лишь шиш
русскому,
что как дурак привык
и тянет
в дом любую гадость.
Чистим страны,
нам порядок.
Тюрьмы чисты и пусты.
Все — в российские
кусты,
под берёзу беломать,
врать,
пить водку,
трахать баб
и Россию занимать
страхом о радикальных
ё мать,
что сюда могут идти
с Западом и США.
Кусты те заповедные —
как клозеты
за домом русским.

Газеты их нельзя
читать —
там брехня,
а подтирать
зад русский,
ё мать.
Мне так жаль
судьбу твою,
Русь моя!
Тобой живу,
хоть израненной,
пропитой,
долбаноограблесвитой,
терзанной как
стара блядь.
Эх, Россия!
Е ж их мать,
тех сынов, что
все в притон
превратили тебя вновь...

28.02.2014

Мир живёт,
движется,
веселится,
страдает,
умиляется,
размножается,
умирает
и иногда затихает.
Он рисует картины
своего бытия в виде:
маразма,
глупости,
ужаса,
ублюдочества,
идиотизма,
дебильности,
неполноценности.
Кадры фиксируют их
на мгновения,
на минуты,
часы,
месяцы,
годы.
И всё повторяется.
Ложи,
клубы,
пабы,
рестораны,
театры,
дома,
подвалы,
чердаки,
мусорные отвалы.
Это не пессимизм поэта.

Это не призыв видеть
чёрными красками мир.
Не это.
Это, к сожалению, время
сжатое.
Оно ведёт к переменам
большим
и ужаснее
всего, что это мало
кто видит.
Дорогие костюмы политиков.
Бушует попса,
и своим мировоззрением
события комментирует.
Смешно до кровавых слёз.
Но слёз нет.
И смеха тоже.
Есть желание жить
как можно дольше.
И я цепляюсь за жизнь
как Божественный промысел,
как Божий дар.
И так делают многие,
а, может быть, почти все.
Но логики мало.
В государстве как таковом
вообще.
Это понятие скоро будет
нарицательным
и словом ругательным:
пошёл в государство!..
Может мы тупеем
и глупеем
за счет веселья
и развлечений

искусственно выраженными
в самом деле?

Может мало простоты
и мудрости в жизни?

И мы усложняем быт,
свой внешний вид,

аксессуары,
предметы жизни.

А эти, что сейчас, ещё
и удивляют:

— Ого!

— Ах!

— Торчу!

— Ещё хочу!

— Чуть-чуть!

Кто кого?

Ради чего?

Миг за мигом

улетают дни.

Они уже сосчитались
для всех

и до весны,

которая наступит

осенью однажды

и мир начнёт менять
для простоты.

Отважных мало.

Оторвавшихся мало.

Сильных мало.

Мудрых ещё меньше.

Говорящих ни о чём,
но важно, с придыханием,
очень много.

И наград-железяк
пока хватает...

Аминь...

Картины мира
спокойным взглядом
в фокусе камеры
или глаза.

Люди!

Не сходите с ума!

Жизнь бесценная
не для этого дана...

28.02.2014

Под грохот
революционных барабанов,
под пламя
шин горящих
и зимних затяжных
туманов
система государства
оторвалась,
залегла в болотах
и молчала.
А Майдан говорил
о сломе системы,
о новой стране,
где цели
будут высокие...
Ради людей...
Но всё затихло
лишь на время.
И сука — извращённая
система
подлезла снова
под вершины власти
и каждого затягивает
в сласти
и сладости
свои в разврате.
И хорошо так от неё...
Как шоколадка!
И мы сдаёмся
ей на милость.
По проторенной дорожке
покатилась
на риторике словесной
колёсами
власть староновая
в системе
между её ногами...

Кайф, и легко,
и просто.
Всё покоряется
и всё заочно.
И пенсии старым
чинушам-ворам,
и старым бандитам-ментам
и прокурорам...
Ам! Ам! Ам!
Всем дам, как давала,
а ты, простой учитель
из Майдана,
живи за тыщу гривен
как и жил:
и гривня пала,
и не заслужил.
А почему бы
менту-майору
за бандитизм и как вору
не назначить
тыщу целковых,
гривень конечно...
Бери, майор! И жри,
и пей,
гуляй и бабе лей!..
Система — старая курва,
коварная, и не дура,
на постсоветском теле
уздой, удавкой,
и еле дышит человек
когда-то гордый за свой
век...
Сегодня скромно
и в неправде
в системе старой
олигархи
продолжают править
нами.

А парламент новый
они уже готовят.
Да нет!
Уже избрали.
Хоть до выборов...
Никто не знает
даты даже.
Да, вы правы:
качать права.
Пока лишь тихо,
а потом пошла, пошла!
Не спи, Майдан!
Не спи народ!
Урой систему
в тайный гроб,
и в крематорий
ночью тёмной...
Урой!
Иначе снова,
как всегда,
у нас всё будет
поздно
и никогда...

28.02.2014

Власть избрали
мы открыто.
Все открыто, всё открыто.
Но старое стоит
корыто.
Пустое,
но открыто.
И мы туда глядим
часами.
Такая штука
пекторалью
золотою
перед нами.
Но пустое.
Всё украли
и сожрали
те, что раньше
тут управляли:
и их штаты большие
остались,
и корыто им снится
ночами,
и мечтают они
хоть на праздник
куснуть что-нибудь
или просто
зубами лязгнуть.
А корыто манит
всех.
Даже я поддался.
Смех.
Утром вырядился модно.
Сумку взял побольше.
Лобно бахнулись
в загоне:
тысяч, тысяч!

И не помню,
как меня толкали в бок,
я упал, но лез и полз!
Не добрался до него.
Шёл домой как идиот.
Рванный шарф, и галстук
тоже.
Рванный в ранах.
— Осторожно! —
крикнул мне сержант
ментовский.
Из люстрации по ложке
пили жидкость под забором.
Дали мне немножко тоже.
Горечь,
гадость
и противно.
Но потом проходит
мимо
парень с сумкой тоже.
Мы его с ментом
вдруг ложим
на тротуар
и под бордюр.
Он кричит, вопит.
Но дур
и дураков не видно,
помощь оказать.
Завидно.
Я содрал с него
и шарф,
галстук новый
и пиджак,
а сержант всё остальное.

— День люстрации
запомним! —
так мне мент сказал,
смеясь.

— А ты к корыту?

Ты дурак.

Иди ты к нам.

Не пропадешь.

Здесь и корыто,

и всё возьмешь...

28.02.2014

Земля отверзта,
наполняя
алчность людскую,
и мы ликуем
считая купюры.
От нефти, бензина,
железа и цинка.
Мы богатеем
Землей.
И тропинка лежит
как на лунном ландшафте,
где ушла жизнь,
а осталось несчастье
в виде ям и карьеров
добываний руды
железной.
Бесплатно.
Иди и бери!
И мы, охреневши,
в недрах
берём
всё, что превращается
в деньги,
а потом в металлолом.
А планета как мать
терпит сына в дому
беспутного.
Глядь,
уже и в тюрьму.
А мать плачет,
жалая,
и сама готова туда,
чтобы сына
скорее
отпустила тюрьма...

Алчность людская
без границ
и потерь.
Её тешат взывая
аки страшный
тот зверь,
о котором лишь пишут,
не видел никогда.
Алчность людская
и земная краса
долго быть
им рядом
не выйдет никак.
Алчность всё побеждает,
а краса,
красота
умирает пока...

01.03.2014

Российский лидер
дрочит, дрочит!
На Украину.
Он кайфа хочет,
как в юности когда-то,
жидкость слив.
Но здесь не выйдет.
Стар стал
и труслив.
На бедный люд
с ружьём попрёт,
быть может.
И в этом смысл его
жизня.
А Бог для них
лишь возня.
И Украина, как стена,
что не даётся
просто так.
И ордена ее собрал,
и крышу убежавшим
дал,
и президент Янык
там в эмиграции
готов создать правительство,
и чтоб
считаться главным.
Правительство бандитов,
и так сбежало
тайно, быстро
под Белокаменную,
под их вождя.

А Янык там —
изгой,
людей убивший.
И порой срывается
дурдом на Красной —
и бэтээры в Крым,
и басни о самообороне Крыма.
То русские войска
по Украине.
Эх, Вова!
Сколько раз писал тебе,
сколько я учил
уму...
Мой труд —
коту под хвост,
и тот накал,
который я в тебя вгонял...
А ты в мелочности пропал.
Божественных стремлений
не познал,
и не хотел.
Ты царь!
Ты царь коварства и потерь.
Уймись,
и убери войска.
Бог с Украиной.
С Украиной я.
И можем дать ответ.
Я говорил тебе.
Но нет,
по кругу старому бредешь,
круг новый
оставляешь.

Вот
и кажется тебе, что
это новый круг,
но то всё старый
с выблядками, массой
по типу Вольфича
с шизой и прибамбасом,
по типу дури русской.
А ты к бандитам
крымским...
Густо
своих в Руси,
а ты всех наших
пригласил,
и крымские остались.
Нету сил
без них?
Кто ты такой?
А рядом бродит
призрак-псих...
Самооборона Крыма
в военной форме
с “калашами”
и ботинок один с шнуровками,
а второй без,
и слетает часто
с ноги.
И что за бес?
— Фигею! —
кричит толпа
из демонстрантов
с флагом русским.
Такая вонь
и страх!
Откуда?

Да это войска эти,
приблуды...
Ботинки всё слетают
с правых ног
солдат.
Хляп!
Шлёп!
Бах!
Твою мать...

01.03.2014

Полстраны скачет,
полстраны плачет.
Полстраны женится,
полстраны бесится
и в разводах куролесится...
Полстраны в капитализм,
полстраны в коммунизм.
Полстраны за Ленина,
полстраны в Шевченко верили.
Полстраны в храм,
полстраны в подвал
бабу бахать,
водку трахать...
Полстраны работать,
полстраны в заботах
странных и нирванных.
Полстраны за волю,
полстраны диктатор в долю:
да шоб красивше был,
а дурак,
так шоб меньше говорил...
Полстраны смелые,
полстраны в страхе
оцепенелые.
Полстраны паханы,
полстраны пацаны,
полстраны менты,
полстраны вохры,
полстраны вруны,
полстраны так злы.
И дороги сикось-накось
переплутаны,
и падать нам приходится всегда —
то канава, то ганьба.

Политтехнологи,
политпроктологи,
политглютологи,
политглитологи,
политубийцы
политпартийцы все...
Независимых, свободных
нет вообще.
И не гуляет удаль,
а гуляет рубль
в голове пропитой
досыта вчера.
А сегодня, мама,
пенсия...
Стакана два-три выпьем
вместе.
Ты в меня одна,
и ты меня здесь родила,
лучше бы в США...
Или в камышах,
и там оставила бы жить
рыбой,
не тужить и не всё делить
страну по пахану
или дураку...
То, что я скажу,
никому!
Здесь, мама, недаром
столько в голове кошмаров.
Здесь, мама, только водка
спасает мозг
и пробка та опасная
не рвётся с головы.
Здесь, мама, паханы,
дебилы и козлы,

так говорил наш бывший
главковерх, уплывший
Путина учить
уму-разуму.
И бить будут больно.
Стеклом прямо в горло,
ведь безнаказанны
менты,
бандота тоже.
Мама, не спеши
пить с горла,
давай из стакана.
Пришла пора,
когда мы забудем
кто мы и зачем?
Пьяны, мама, будем,
и в глазах мутень.
И их мы не увидим,
идиотов тех,
что нам на погибель
с ада вышли все...
Сын и мама по бутылке.
Сын и мама — собутылки,
собутыльники...

01.03.2014

Дикость дикостью
покроет
окровавленное
боя поле,
где по дурости
трусни
били, бьют
как дикари
и свои все,
и своих,
безоружных и простых.
Дикость дикости
как воля
делать всё, что
хочет злое
от антихриста слепое
и глухое
к чужой боли.
Чёрствым сердцем
ум за разум,
сердцем злым
себя накажет,
а потом вся жизнь
в бегах
и кошмары
в страшных снах.
Череп с кровью
и скелеты.
Автоматы и стилеты,
мины, пули
с колбасой.
Руки грязные,
косой
чик по горлу —
и в запой
кровью жаркой.

И живой
ещё тот парень,
но кровь выпьют
и пожаром
оттанцуют по степи.
Дикий образ.
Ковыли
желтые от без дождя.
Желтые в ветрах
шепчут ковыли:
— Воды...
А им кровь!
Кровь убитых.
Кровь убитых,
кровь людскую
пить не будут
ковыли.
От земли
и от небес
будут воду ждать.
А здесь дикость
образа людского
как с иконы на
икону
чёрной магии
кумиры
себя рисуют
и кощунствуют
по приказу
труса трусов.
Нечисть чёрных
сил
искуса
силой помахать
чужой.

И дубина тут,
и кровь...
Все замазаны
во веки.
Эх вы, люди!
Человеки пали наземь
белы.
Кровь сошла,
угасли нервы,
и над степью
крик ваш, топот,
хриплый ор
и в крови рот.
Руки в крови
и глаза.
Дикость дикости
беда,
а вы жрёте прах
священный,
носите кресты
и землю поливаете
кровями
по приказу
беса в чернохрамье...

01.03.2014

Сегодня объявили
нам войну.
Мозгами тронулся
старый друг мой
Вова ПутинЪ
и камарилья
федерации советов.
Дурни!
И подстрекатель Жириновский
в шизе
и наша пятая колонна
партии павшей терриконов.
Кранты всем им.
У нас объект “Укрытие”
в Чернобыльской АЭС,
а там тонн двести
урана есть.
И если снова кровь
нашу прольют
и дети мёртвые простых
людей падут,
как пали на Майдане,
а дети российских идиотов
на Рублёвке
барами, панами,
вот мы тебе, Вова, Дима
и придурок Жириновский,
закинем весь уран
в Москву, Рублёвку,
и тыщу лет
будет там пустыня.
Как тебе такой
сюжет, Россия?

Я лью на голову твою, Володя,
дождь холодный,
и весь российский истеблишмент
стоит по лужам.
И вот поднимем мир весь
в защиту Украины,
поднимут и мусульман
за татар крымских.
В ночь полнолуния
взбесилась Россия
и русские.
О, блядь!
Уже идут...

01.03.1014

Я устал от человеческой
глупости,
скорее от людской
ибо человек не утомляет,
он мудр.
Я сын Божий,
дитя Бога Живого.
Значит, и Бог устаёт
от людской глупости.
Меня будете обвинять
в святотатстве.
Но я люблю Бога,
Он мой Отец
и любит меня.
А есть ли у меня
другой выход?
А именно, не любить Бога?
Есть.
Но я не кривляюсь.
Я люблю Его за
Его любовь к сыну.
Я грешен,
и я не постоянен.
Я воинственен и агрессивен
на зло и агрессию других.
Я выражаюсь плохими
словами.
Но я люблю всех.
А глупость людская
наступает.
Она бесконечна.
Это и бандит Янукович
со сатрапами.
Это и Вовка ПутинЪ
с войной по весне.

Брат на брата
за бандитов
и с бандитами, якобы
активистами юго-востока.
Позор, Вова!
Ну пусть ты
и патриарх православный
решили убивать,
ну а другие что,
так тупы
или зомбированы?
Или страх за власть
и деньги?
Эх, Россия!
Её судьба в моих руках.
Так решил мой Отец.
Что с нею делать?
Ещё не знаю.
И не один я.
Но она падает
в пропасть бесславия
конца XX и начала XXI века.
— Вова, капут! —
будут кричать мальчишки
и на память
империи останется
кусоч обгоревшего
черепа а-ля Адольф.
Вова!
Остановись!
Упади на колени!
Он твой Отец тоже.
Плачь и проси.
Ты — никто.

Ты горсть праха,
и душа твоя как
одна копейка,
а тех, что с тобой,
в так называемом
обозе, вообще мелочь —
людские отходы мира.
Церковь больна
и Россия очумевшая...

01.03.2014

ПутинЪ въѣз в Украину
на “белой танке”
бежавшего их страны
президента Янке...
— Вот здесь, — сказал Вован, —
в натуре,
на Севастополе
и в бурю
поставлю ставку
главковерхкомзора
Яныка,
и все войска,
комора
должны вновь
присягнуть ему!
И Янык пал в мозгов
дыму
на колени.
— Спасибо батюшке-царю
за дело,
за подготовку операции
“Захват”
и предъяву Украине —
войну.
— И гер зольдат
дадим ему! — сказала
Гос и Дума.
А площадь Красная,
и возле ГУМа,
и в Петербурге
народ русский бушует:

— Ты что, Вован,
сорвался с рельсов?!
Бандитов греешь,
место метишь
аки зверьё в лесу.
На кладбище глухом
в заброшенной деревне
у вырытой могилы
древний стоит старик,
и ветер бороду седую
и волосы его
ласкает, теребит.
Старик святой Руси
восстал,
увидел,
помолился
и снова умирает сам.
А кто закроет гроб?
Безлюдье русское...
И чтоб воздвигнуть
крест ему во славу
да и отпеть
седого старца надо...
Но глушь,
безлюдье по Руси.
Были войска,
но все ушли
бандитов посадить
на троны
в Крыму и в Украине.
Гоны весенние в лесах,
и звери
кричат куда-то вдаль,

и верят,
что их услышат
и придут...
России скорбный
сто лет путь.
И были, вроде, шансы
вот недавно.
Остались шанцы, оружие
и плавно
верхушка правящая
осатанела,
сошла с ума,
одурела...
Нефть и газ!
Один приказ
и один
экономический заказ,
и деньги тратятся
нараз
на роскошь быдла
и солдат.
А остальные — доживать.
Старик седой
лёг тихо в гроб,
накрылся крышкой
и усоп.
А вороны кричали
на деревьях,
летали долго
их крики в небе.
Они грустили
за человеком
и славу отдавали
ему.

Эхом вороний крик
через всю Россию
в душу мою проник,
и силы
добавил новые
для жизни,
что всегда борьба.
Борьба со злом.
А как без зла?..

02.03.2014

Снег быстро летит,
гонимый ветром холодным,
и падая
на деревья,
дома
и землю
тут же тает.
Ему удержаться бы
привычным покровом,
но нет силы.
Весна превращает
его быстро в воду,
и бегут ручьи по дороге.
А в воздухе
зябко и, как вроде, морозно.
С веток деревьев
свисают капли воды,
снег тает,
и так хочет жить,
до плача...
Грустно...
И хочется тепла
разом, вдруг.
Но пахнет войной.
Друг,
Вовка ПутинЪ,
сорвался с цепи
и гонит войска
и оружие в Крым.
И пути его и
бандитов
своих и наших, сбежавших,
как штык,
воедино слились.

Солдаты из Чечни,
огнём победившие жизнь,
солдаты войны
циничными стали
и крови пустили
много.

Их жизнь им не стоит
много...

Война...

Сатана...

И я взираю сквозь
черный цвет неба
на души людские,
что миром правят
и сытые хлебом.

А там тоже ночь,
в душах тех.

И помочь я хочу,
взывая к Отцу.

И чувствую сердцем,
что помощь придёт,
ведь в землю лягут
лучшие люди.

Останется
богатый,
сытый

или идиот.

Детей министров нет
ведь в полках,
детей олигархов
тоже пока нет.

Они грызутся
в темени мира
за власть и деньги,
и их кумирами
становятся Путины
недальновидны

и жестоко
кошунственны
с их геополитикой,
где в центре —
золотой унитаз
убежавшего нашего
верхнего страшного...
А снег в каплях воды
на ветках деревьев,
как слёзы зимы,
и чувствует горе
Бога природа...
И чувствую я,
и борюсь в темноте
силой духовной своей
с российской властью,
что уже на черте,
за которой
реки
не снежной воды,
а крови детей
простых людей.
И беды мне так
не хочется
в этом столетии —
ведь двадцать первый
век уже.
Но многие стали
косые глазами
и линии взгляда их
пересекаясь
ломаются
на крученно-гнутые
и искажают действительность
в глупости.

И мир от этого
тусклострашный.
Столько пороков,
Идиотов, неправды.
Столько ведь горя
из желания царствовать
с головой,
что как горшок ночной
и из под ручки
ещё злостью кавкает,
заливаясь в безумстве.
А что было
в горшке том?..
Не смешно,
и не умно.
И я быстрее двигаюсь
улицей.
Ветер врывается в грудь
и студится
тело моё
так скоро смертное.
На кого же оставляю
детей я,
уходя в бессмертие?...
Бэтээры и КАМАЗы
с войсками, оружием,
дышат дымом саперы,
ужастью
ублажая дебилов
свет заглотивших,
движутся Крымом,
тобой Украина...
И я снова молюсь,
обращаясь к Отцу.

Я снова молиться
буду Христу
за православных,
будто сошедших с ума
и души продавшие в ад
за доллары и евро
в свои закрома.
Беда...
Не приходит одна.
А снег тает, и капли
воды слезами
прерывают ход мыслей
таких непростых.
Как мир изменить?
Как дальше жить?
Куда этих безумцев
от власти переселить?..
Вопросы и весна с рожном
и пушкой
на тебя, родившееся
только, дитя...
Вова, это шиза
у тебя
и сатрапов
зашла.
Может, не постесняться,
и, просто, врача...

03.03.2014

Сегодня
в густом холодном тумане
утром ранним
на рассвете
прикатил на лисапете
Вова ПутинЪ
в синей кепке
и давай мне в дверь
звонить.
Я не открывал,
но перст Вовы
жал на кнопку,
и через домофон
я послал его
подальше.
Вова ныл.
И я тут сжался,
сжалился и пожалел...
Он зашел.
И вновь запел
об империи большой
и царице той, Марии,
что когда-то встанет
в мире.
Я молчал и слушал
долго,
а потом сказал:
— Я прощаю Крым, весну
в танках, пушках, вертолётах.
Я прощаю всё.
И очень Бога я молил,
чтоб тебя образумил.

Бог услышал,
и ты здесь.
— Слушай,
брат мой,
друг-поэт,
а как выйти мне
с лицом
не потерянным потом?
— А ты, Вова,
всем скажи,
что учения прошли
и войска домой ушли,
и отметка всем “на пять”.
Вова радо
целовать
стал мне лоб
и щеки сразу.
— Брат мой ты!
А я собачу:
ваш бандит
со кодлой
накрутили меня.
Мордой их теперь
в Ростов,
на Урал
да в Сибирь и Магадан!
Я их проучу,
блядей!
— Хорошо, Вова!
Дела, Спешу...
И тебе пора домой.
Вызови винт,
а шлем и кепку
с лисапетом
оставь детям.

С Богом, друг! —
помахал ему я вслед.
А в углу тот исторический
стоит нам лисапет.

04.03.2014

Вовка ПутинЪ пошутил,
и в Крыму
безумство сил.
Морем,
сушей,
в глубине
как кроты ползут
к войне
грязно-рыхлые “быки”
кровь испившие.
Штыки их режут
землю с камнем в смеси,
пиляют горы.
И кудесник,
подвыпивший сам генерал,
жрёт камбалу
и льёт в стакан
водку с кровью
той, кавказской,
что консервировали
в гадство.
Но кровь к концу
подходит быстро,
тара пуста...
И требуют крови:
— Сделай запас,
не жди!
И роют море кораблями,
на них команды
с блядоравы
родивших сук,
не офицеров.

То форма, но она
не ценит
тех воинских обычаев
по чести.
Та форма просто понт
и стервят
прёт на грудь страны.
Сколько помню, лет
так двадцать,
я ночи ждал здесь.
Не опасность
в глубокой темноте,
а радость
свободы от уродов.
Гадость спит,
а, может, пьёт,
а, может, трахается в рост
свой лилипутский и кривой,
и вонь от них от всех
трубой
мясокомбината.
Вонь...
А я свободен был в ночи.
Я жил лишь ночью.
И спешил
быстрее день отправить
вдаль
и вечер встретить.
— Не встречай, — мне говорили
мудаки.
— Достанем всё равно.

“Быки” росли,
росли рога,
росли враги.
И не меня,
а Бога,
зачинаясь втихаря,
по ходу жизни,
как всегда.
Кобель и сука.
Мать, отец “быка”.
Мир стал зеркальным,
хлипким,
зыбким
и зеркала кривые
в руках убийц и кровопоев.
Мир ужаснулся
сам собою,
плюс зеркала кривили
рожи.
Кривили тело
и. быть может, так и
осталось бы всё то же.
Но телевизор и газета
погнали страшный срам
отпето,
отрежиссировано вновь,
и им подпел
кобздон,
музон,
шансон
и мудозвон
с попсокульти русоблом...

И принял мозг тот
чертсвизм, за которым
только
лист
бумаги чистой
на стихи
поэту,
что вошёл в мир дикий
вопреки
всем нежеланиям кобздонов,
попсов и мудозвонов.
И чтоб не писались
те стихи
небесной выси
чистоты,
лист разорвали на куски
и зад подтёрли
все “быки”
и люди власти — мудаки,
рассейской пустыни
черти.
Поэт не плакал,
не рыдал,
он кровью собственной
писал
ободраным перстом своим
по склонам гор.
И дикий свист,
и дикий крик,
и голых стерв
развратный вид,
и деньги россыпью
в траве —

ничто не поламало
цель
поэта
прибывшего в смерть.
Как Бог когда-то
жизнь отдал.
Вот так поэт
писал и знал,
что пуля движется
в стволе
приказа банды,
там, в Кремле,
а, может, этих, местных,
шавок
в грязных одеждах
от державы
и с пулёмётами
в руках.
Мир искривился,
но не весь.
Есть острова из душ
живых.
Они срываются
как лист
с деревьев осенью
летащий,
и борются с чернющей
страшью
рожденных в грязи
отношений,
где о любви ценою денег
лишь называют
акт сомнений

и грязьболезней уравнений
полов и пола
под ногами.
Мир в зеркалах,
и дурь над вами,
и дурь на них,
и дурь под ними.
Лишь островки
ещё живые...

05.02.2014

Майдан — место
священное для Украины.
Политый кровью
Небесной Сотни,
и ныне стоят на нём
побратимы.
Герои стоят,
смотрят в небо
и сверяют часы свои.
Бремя тяжёлое взяли
они на себя.
Контроль над властью
в кучках бабла
после фашистов
страны разорённой.
Пришли те же лица,
что пять лет назад
правили Соборной
и потеряли доверие масс.
Пришли перекрашенные
из терриконов
на фас,
как собаки на дикой охоте,
пришло подонков
немало.
А роте в Крыму
в тисках русских чумных
по указке их Думы
и Вовки, что ПутинЪ,
никто не помог.
А где наш главком?
Где помощь военным
под мушкой прицела
российских бандитов?
Где помощь, дубины
в высоких своих кабинетах?!

Смелых во власти
уже не бывает.
Просят Европу и Штаты,
и ими пугают.
А те говорят как во время
Майдана,
и советы дают,
аж тошноту вызывает.
Путину Вове
глубоко наплевать.
Ему нужна сила
танков,
зениток,
ему нужна сила
наших, чтоб побить их.
Сила-то есть,
но главком обессилел,
и все министры
просят, чтоб тихо,
без провокаций,
как на Майдане,
где нагло
стрелял спецназ
в головы братьям.
Сотня гробов.
А власть в политической шкуре.
Майдан стоит хмурый.
И хмуро метелит
комбат там, в Крыму,
русских фашистов
и своих, в Киеве, материт...
Но стрельнет в Крыму —
и бахнет восток.
Танки пойдут
и кровь поплывёт.

Помощь пойдёт
от Майдана,
от люда,
а власть,
как та, бывшая,
Яныка, —
бегом в Европу от страха,
с вещами.
Твою же дивизию!
За что так страдали?
Страна
героев Майдана и Крыма
устоит,
и вычистит поле своё
Украина.
Страна не одного погибшего
сына...

06.02.2014

Ворота открыты настежь,
краска слезла
и вместо неё густая ржавость.
Ворон входит,
что-то ищет.
А вокруг пустые гильзы,
куски металлолома
и развалины
сгоревшего в войну,
давно когда-то,
дома.
И не растёт даже бурьян
в земле сгоревшей.
Нет землян,
Земля пустая,
и пустыня, умирая,
ждёт конца всему.
А ворон знает,
он последний возле моря.
Трупы съедены.
Их горы
были по дорогам
и по дворам
домов горевших.
Долго, долго
падаль ели.
Умирали не старея,
радиация
убила жизнь совсем.
Кто был живой, ушёл
в страну
процветающую вновь,
а кто к бандитам
и фашистам —
бежали к русским
быстро.

В огне сплошных пожаров
страну
делили,
рвали,
а защищать не защищали,
всем было по фиг.
Оторвали Крым
надолго,
где-то год,
может, больше.
Войной горело
всё.
Вова бахал со всего,
что огонь гнало
вокруг,
но конец пришел,
и, вдруг,
на опустыненной земле
развалины домов...
И спесь свою
насытив сильно
сгорел Адольфом
в керосине...
Лишь черепа кусок
потомкам
и память горечи,
презрения.
Душонка...

09.03.2014

Мир погряз
в брехне и крови.
Мир погряз в страстях
и горе.
Мир погряз
в разврате врат,
открытых для
всемирных благ
потреблений,
накоплений
и уродства слов
и мнений,
извращений жизни
в жиге
прожигания
и мимо
пробегающих
несчастных,
что в страданиях
плачут,
алчут,
руки тянут.
Но прохожие
во счастье
руки эти топчут.
Мир вопит
на разных тонах,
то, вдруг, к небу,
а кто-то к дому
ада, что
уже весь здесь.
Крик мешается
в коктейль
слез и крови,
водки, кайфа,

и вруны, вруны
пихают
порций новых
ниже края,
ниже некуда
уже — там
конец даже земле.
А тут война
войною кроет.
Кровь пьют
и крови просят.
Вот наш царь,
что Яныкович,
с трона грохнулся
как сволочь
и сбежал к царю-подруге.
ПутинЪ Вова
приголубил.
Он царь великий,
хоть неказистый
с виду,
просто как нечистый, —
злой, коварный
и в доспехах
брони антихриста,
хоть это...
кресты стоят вокруг,
сияют,
но церковь под царём.
Царь ею
тоже правит.
Его коварство угнетает,
и гнёт бескрайний...
Вот и спелись два царя
в войне народов.

А мирва
всё точит лясы.
Неправа,
неправ,
правда,
прав...
Слова, не более.
А ПутинЪ силу
гонит, гонит!
И остановит Бог...
А остановит?
Если мир так
извращённый
и додо...
долдо...
долдонит
о мире и политическом
разгоне
дыма войны,
что скоро будет
в каждом доме.
Но мир боится,
как всегда.
Привет вам от Адольфа...
Ать и два!
Придёт ли ПутинЪ
и в Европу
за СССР,
что слили?
Попой...
Помпой...
Всё
для проку...

А войска звенят
оружием
уже не понемногу.
Колокола церквей
молчат.
А христианский пост идёт...
Мир в мире.
Или на Голгофу?..

09.03.2014

А новая власть
пришла на гробах,
на крови, костях
Небесной Сотни
и слила Майдан
за неделю,
и вам, на небе,
так заболело...
Их танцы в виде
танго
лидеров партийных.
— *Гарно, — на мові каже, —*
панно...

А панна підставляє
груді свої,
і має з цього зиск —
посаду.

А в Криму б'ються
солдати,
а в Криму плаче мати,
а в Криму
нема влади.

А Крим злили,
як і все зливали
у владі...

Скоро Яныкович
прилетит
с Ростова
прямо в Междунорье,
там всё уже готово.
Закрыли от экскурсий,
закрыли от народа...

Вова ПутинЪ гонит
войско,
взять Украину просто
в виде самообороны,
а наши власти
не боронят
землю древнюю Руси...
Е Европа си-пи-си...
Страх и нежелание помочь.
Потом Россия с Азией
пойдёт через
Берлин,
Париж
на Лондон.
Уже Биг-Бен стучит
и щелкает зубами
злобно,
но поздно...
Очень поздно.
Европа мылится
в красивой ванной,
Европа украшается
перед
“элитой” армий.
А я имею право
всех послать,
и перво-наперво
родную власть
за слабость,
страх.
Русские идут...
Православная элита
ставит вехи на их путь.

11.03.2014

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В Сочи шла зимняя Олимпиада за пятьдесят миллиардов долларов для российских налогоплательщиков. На трибунах российские мажоры тягали флаги, заливались алкоголем и спускали от безделья накопившийся адреналин. В российских регионах в больницах умирали люди от недостатка лекарств, низкого уровня медицинской помощи и безразличия в глухую.

Шел православный пост.

В Севастополе появился лидер партии, депутат Госдумы, дряхлый, с следами идиотизма на лице, некий Жириноибовский Вульв Владимирович и пообещал послать нам патроны от России. Он сказал дословно: вот закончится Олимпиада и мы в Украину подбросим патроны.

У нас в Чернобыле, в Укрытии, 200 тонн урана, и мы можем, в знак благодарности за патроны, вытряхнуть его оттуда и одарить Россию. Хватит всем. А в это время Майдан хоронил расстрелянных властью Януковича и его “семьи” молодых, мирных людей.

Сто убитых, тысячи раненых.

Пост.

Великий.

И вот Олимпиада приказала долго жить.

Ушла в небеса как пар, унося пятьдесят миллиардов народных долларов. Удовлетворив какую-то страстишку царя Путина и русский истеблишмент. Истеблишмент с выражением явно психически нездоровых лиц орал, топал лапами аки бес и требовал забрать Крым в Украины, таким образом защитив русское население в Крыму от выдуманных русскими спецслужбами “бандеровцев”. В Крым пошла армада: бэтээры, самолёты, вертолёты, корабли, живая пока ещё сила — ещё не груз “двести”. Пока...

Они захватывали госучреждения, блокировали

украинские воинские части. Выводили из строя военное оборудование и технику. Так называемая российская живая сила ходила вооружённая до зубов и без каких-либо опознавательных знаков. ПутинЪ выступал со своим министром обороны и говорил, что это не российская армия, это, мол, отряды самообороны Крыма с донскими казаками и бандитами с России.

Наша власть дала на неделю “уставшему” парламенту отдых. Депутаты делали бабки и сидели по норам.

В Крыму наши военнослужащие отбивались вручную от вооружённых новейшими видами пулемётов, автоматов, неизвестных якобы вооружённых формирований.

Мир угрожал России санкциями.

А по российскому телевидению выступала “элита” из нечитабельных писателей, постаревшей, седой и хилой попсы, политкликуш и политикочертей. Их лица были агрессивны и явно нездоровы.

Пост.

Православный.

Церковь Московская молчала.

— Это война с антихристом, — говорил мне знакомый писатель. — Это третья мировая война. Мы пойдём потом на Европу и США...

Я искал хоть одно нормальное лицо в русских телеканалах. Изредка попадались люди, которые были против войны. А большинство, скорее всего, перекормленных, пресыщенных да и просто зажратых кричали об агрессии в Украину.

Шел православный пост.

А очерстевшая, очертевшая сама в себе и сама собой часть России рвалась на фронт телами простых парней из русской глубинки, которые пошли в армию защищать Россию. Немцы тоже когда-то шли защищать Германию. Где сейчас их души и кости? Кто знает?

А в Крыму к власти привели премьера — криминального авторитета “Гоблина”. Его фамилию не пишу умышленно. Настоящий бандит из девяностых двадцатого столетия. Так вот эта власть организовала незаконный референдум для отделения Крыма от Украины и присоединения к России под стволами автоматического оружия.

Идёт православный пост.

В церквях молится люд и священнослужители.

А ПутинЪ гнал войска, громил воинские части Украины.

В ответ не стреляли, но ПутинЪ ждал выстрела, хоть ему всё по барабану. Скорее всего после лже-референдума, а в России как и по всей постсоветчине любят лже...

Он и они начнут войну.

Мы ответим.

А в Крыму вновь Жиринойбовский Вульв владимирич.

В России все владимиричи.

С маленькой буквы. Но это пока.

Победят антихриста, будет большая буква, а на могилах, скорее всего Б... или Х... В зависимости от пола и занимаемой должности.

Я так хочу помочь миру.

Пишу, говорю.

А он не поддаётся.

Он ворует,

стреляет,

убивает,

извращается,

топчется по гробам,

пытается молиться,

обращается к дензнакам,

обращается к богатству,

просит красивых девушек

и платит им.

Некоторые соглашаются.

— Папочка, папочка, — плачет такая девочка перед седым и облезлым стариком.

— Я так хочу “порш”!

— Хорошо, детка. Ты заслужила...

Вся охрана и водители не могут утолить её страсть...

Утолит война.

Утолит многих из простых семей, детей рабочего люда.

А мажоры поедут на новую Олимпиаду.

А у нас в первых рядах пойдут дети власти и олигархов, дети богатых...

Они хорошо умеют убивать автомобилями людей на дорогах. Вот пусть этими автомобилями и пойдут в авангарде на пока живую ещё силу в форме военной, но без опознавательных знаков.

Все говорят: русская армия.

ПутинЪ говорит: нет.

Ну так эту группу террористов, численностью в тридцать тысяч, убрать в Сомали. Пусть их оттуда выкупают те страны, откуда они приехали.

Вова ПутинЪ рад: такая спецоперация!

Оргазм за оргазмом — из дряхлого тела изливается слюна и моча. А так хочется выдавить что-то покайфовее!

Но не выдавливается.

Значит нужно влить

водку,

коньяк,

вино,

дихлофос,

ацетон,

серную кислоту,

бензин,

нефть сырую,

и это... как его?...

У Адольфа Алоизовича...

Вспомнил! —

цианистый калий,

и потом, сверху,
чтобы кто-то бензином,
и — чик! — спичка...
Можно и согреться
с какой-нибудь зазновой
уже даже без любви,
а так, в экстазе войны,
которая вот она...
Уже полыхает...

Украинцы отдали десятки миллионов жизней за
российский коммунизм в угоду “элитке” двадцатого
века. И за освобождение Европы от фашизма.
А Европа и НАТО вяло упрекают Путина.
Украина, обворована нашими властями совместно
с Европейскими банкирами и политиками лежит в
руине. Европа! А, может, совесть есть? Поможешь
людям, которые спасли тебя от того Адольфа! По-
тому, что от этого уже спасать потом будет неко-
му и пойдет орда по твоим дорогам. А разрушат и
разворуют всё. Это орда, вернее её остатки, и вы,
все здоровые люди мира, сломайте ей хребет в Кры-
му. Потом может быть поздно, или вообще, ско-
рее, не будет...

Пост православный идёт.

Не для России.

А, может, в этом и есть Божие Провидение...

Мы не хотим войны.

А война, если начнётся,
накроет весь мир.

Мы не знаем воли Бога.

Люди земли заелись,
грубо говоря, зажрались.

Любовь с двойным дном.

Желание чужого мужа
и чужой жены повсеместно.

Трахать и наслаждаться.

Грабежи богатыми бедных
и одних стран другими.

Церкви полупустые.

Власти себе на уме
политикуются и говорят.
Поэтому мы не знаем, что
желает Бог сегодня
и какие Его планы.
Я не хочу, но русские
могут быть не только
в Варшаве и Праге,
но и в Лондоне,
так что помните олигархи
и другие воры...
Времени осталось мало,
а мы говорим, заклеимляем,
клянём и грозимся.
А на границах Украины армада русских войск и
ядерного оружия на всю солнечную систему, ещё
и останется.
Идёт православный пост.
А я думаю о войне, маленьких детях и молодой
красивой женщине, конечно же чужой жене...
Так что бесом накрыта не только российская твор-
ческая сдуревшая “элита”. Да какая это элита?
Попса и черти...
А Бог ждёт больше, чем кто-либо из нас.
Мир деградирует и опускается: деньги, секс, сла-
ва, ордена, медали — себе, себе, себе...
Помни, мир!
В Крыму может быть начало конца цивилизации.
Времени осталось мало.
И мы должны быть все вместе и с Богом. Тогда
ещё есть шанс...

13.03.2014

Содержание

Порвать цепь постсоветчины. <i>М. Малюк</i>	3
«Мне цепь порвать свою...»	8
«Миру — мир...»	11
«Неспокойно очень стало...»	15
«Я со своими друзьями...»	18
«Кит играет в воде...»	22
«Наша лодка...»	25
«Первый Рим...»	28
«Аквариумы...»	32
«Ножи, как бытовые...»	34
«Президенты...»	37
«Россия...»	40
«Люстра упала...»	43
«Майдан — антимайдан...»	45
«Дикі свині...»	47
«Война...»	50
«Независимость стране...»	53
«Я долго думал...»	56
«Сегодня настроение...»	59
«И снова всё...»	61
«Чёрный дым...»	65
«Воины Римской империи...»	69
«День прошёл быстро...»	71
«Вечер медленно...»	74
«Сегодня утром в рань...»	80
«Тегеран...»	90
«Комиссар Евросоюза...»	94
«Глаза...»	98
«Мир клейменный...»	103
«Я смотрю на тебя...»	106
«В конвульсиях...»	109
«В революционных эмоциях...»	111
«По полю, по полю, по полю...»	114
«Кровью багрит снег...»	117
«Поэзия — это огонь...»	121
«И снова рубище...»	124

«Ранним часом...»	127
«Добрый день...»	130
«Мне о себе хочется...»	133
«Может, стоило бы...»	136
«Бог услышал мои...»	138
«Без креста...»	141
«Ветер гонит...»	145
«Много наших бежало...»	150
«Колонией стали мы...»	153
«А каковы-то причины?...»	156
«Тающие снега весной...»	160
«Байда с байдой...»	164
«“Перед Богом все равны!” — ...»	166
«Я торопливо...»	172
«Бессарабка живёт своей...»	175
«Горечь оторванных бед...»	179
«Февраль...»	184
«В грязной пещере...»	186
«Мальчик...»	190
«Идёт идиот...»	192
«Я отворачиваюсь от событий...»	196
«Вековая отсталость...»	199
«Не ищи ту старую реку...»	202
«А нужен ли мне...»	205
«Рейтинг политика...»	208
«Всю ночь туман...»	210
«Морщины падают лицо...»	214
«Падают мысли...»	217
«И падает вдруг...»	221
«Восковая свеча...»	223
«Ночью...»	227
«В преддверии рассвета...»	231
«Один знакомый...»	237
«Ночь...»	239
«Полночный стук...»	244
«Белым туманом...»	248
«Снайпер в прицел...»	251
«Я повторяюсь снова...»	254
«Горящая ночь...»	257
«Коррупция — основа государства...»	260
«Расстрелянные как в тире...»	263
«Глупости человеческой...»	267

«Ценою крови...»	269
«Живёшь в лужице...»	272
«Дни скорби...»	274
«И сердце...»	277
«Дождь...»	281
«Я был зафиксирован...»	284
«Агрессия...»	290
«Олимпиада в России...»	293
«Экспорт революций...»	296
«Россия...»	298
«Мир живёт...»	302
«Под грохот...»	306
«Власть избрали...»	309
«Земля отверзта...»	312
«Российский лидер...»	314
«Полстраны скачет...»	318
«Дикость дикостью...»	321
«Сегодня объявили...»	324
«Я устал от человеческой...»	326
«ПутинЪ въвёз в Украину...»	329
«Снег быстро летит...»	332
«Сегодня...»	337
«Вовка ПутинЪ пошутил...»	340
«Майдан — место...»	345
«Ворота открыты настежь...»	348
«Мир погряз...»	350
«А новая власть...»	354
Послесловие	358

Літературно-художнє видання

Можаровський А.І.

М75 Ланцюг. *Поезії*. — К.: «Неопалима купина», 2014. — 368 с.
ISBN 978-966-2002-11-9

Поезія Анатолія Можаровського — вихід із часу у вічність, у новий вимір буття, де головне не грубе і оманливе сприйняття матеріального світу, а те, що відбувається у нашій душі.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 14.04.2014.
Формат 60х100 1/16. Зам.
Ум.друк.арк. 23,0.

Видавничо-поліграфічний Центр «Київський університет»
01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка.14, кім.43
Свідоцтво ДК№01103 від 31.10.2002.